

КРИСТИНА ЮРАШ

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

ИСКАЛЧЕННАЯ ПО ВИНЕ

ГЕНЕРАЛА ДРАКОНА

Кристина Юраш
Военная Академия.
Искалеченная по вине
генерала дракона

*<https://litres.ru/73988694>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Генерал отдал меня на растерзание моему мужу - тирану! Хотя я стояла перед генералом Моравиа на коленях и просила этого не делать!

Я говорила ему, что меня ждет дома. Но он не верил. Или просто не хотел верить.

Для него устав – превыше всего. А по уставу женщине находиться в Военной Академии запрещено.

Я сбежала в Военную Академию от мужа – тирана.

Какое-то время мне удавалось скрыть свой пол, прячась под маской и мундиром. Но однажды по нелепой случайности генерал Моравиа, ректор Военной Академии Империи узнал о том, что один из кадетов - женщина.

Я надеюсь, что теперь, глядя на мое изуродованное лицо, генерал пожалеет о своем решении.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11. ДРАКОН	45
Глава 12. ДРАКОН	48
Глава 13. ДРАКОН	51
Глава 14. ДРАКОН	54
Глава 15	57
Глава 16	60
Глава 17. ДРАКОН	63
Глава 18. ДРАКОН	66
Глава 19. ДРАКОН	69
Глава 20. ДРАКОН	71
Глава 21	73
Глава 22	76

Глава 23	80
Глава 24	83
Глава 25	86
Глава 26	89
Глава 27	92
Глава 28	95
Глава 29	98
Глава 30. Дракон	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Кристина Юраш Военная Академия. Искалеченная по вине генерала дракона

Пролог

— Кадет Джейлорд. Если выяснится, что ты женщина, — произнёс генерал Анкей Моравиа, глядя на меня так, словно уже вынес приговор, — ты пожалеешь, что вообще переступила порог Военной Академии. Это я тебе обещаю.

Я молчала. Страх был холодным, липким, он заползал под кожу, заставляя внутренности сжиматься в тугий узел.

— Молчишь? Хорошо. Молчи. Приказываю раздеться!

Голос прозвучал ровно, без эмоций, отчего стало еще страшнее.

Я подняла глаза. Генерал Моравиа стоял, опираясь на трость.

После ранения он всегда на нее опирался, но эта трость не выглядела костылем. Это была роскошь: черное дерево, серебро, тяжелый набалдашник в виде головы дракона. Она была продолжением его воли, жестким и холодным симво-

лом власти, которую он диктовал с пугающей легкостью.

Свет лампы выхватывал из полумрака его лицо — красивое и искаленное одновременно. Шрам на губе — аккуратный росчерк, будто кто-то провел ножом по мягкой ткани. И глубокая вмятина на щеке. Они искажали идеальные черты, делая их жесткими, мужскими, опасными.

Выбритые виски, темные длинные волосы, спадающие на воротник мундира, и ледяные, ничего не выражающие серые глаза, которые смотрели на меня как на пустое место.

Маска и плащ кадета уже не спасут. Эта мысль ударила сильнее, чем пощечина. Унижение накрыло с головой, горячее и тошнотворное.

Пальцы соскользнули с холодной застежки. Я попыталась снова — и снова промахнулась.

Когда я наконец сняла маску, то почувствовала не вечный запах металла, к которому привыкла. В кабинете, оказывается, пахло морозом и старинным деревом.

Застежка плаща сдалась под дрожащими пальцами, и тяжелая ткань с шелестом упала на пол.

Я увидела, как взгляд генерала Моравиа задерживается на моем лице. Он изучал меня, словно вскрывал конверт с неприятным письмом.

— Дальше? — произнесла я. Голос сорвался.

Я говорила не по уставу. Почти задыхающимся шепотом.

— А что? Приказ не ясен? — спросил он, и в его серых глазах мелькнуло нечто темное.

— Полностью? — шепотом переспросила я. Язык заплетался, становился чужим, ватным.

Металлическая пуговица звонко шлепнулась о паркет и покатилась к его сапогам. Я замерла.

— Приказы выполняются с первого раза! — холодно приказал генерал, и звук его голоса ударил по барабанным перепонкам. — Полностью. И лучше тебе не заставляй меня повторять приказ дважды.

“Зачем ему это? — пронеслось в голове. — Унизить? Сломать? Или проверить, насколько далеко я готова зайти в своей лжи?”

Я начала снимать вещи. Мундир, рубашка. Каждое движение давалось с трудом, будто ткань приросла к коже.

Я сжала край рубашки так, что костяшки побелели. Дыхание сбилось.

Это было болезненно, словно с меня сдирали не одежду, а саму личность, которую я придумала, чтобы спасти себе жизнь.

Я сделала вдох, пытаюсь собрать рассыпающуюся волю в кулак. Ткань мундира соскользнула с плеч, затем рубашка.

Холодный воздух кабинета коснулся кожи. Мои плечи невольно дернулись.

Я осталась только в нижнем белье, штанах и тяжелых сапогах, чувствуя себя обнаженной до самой души, несмотря на оставшуюся одежду.

И тут я поймала его взгляд.

Его серые глаза, обычно скрытые тенью ресниц, теперь были открыты и безжалостны. В них вспыхнуло что-то темное, опасное, тайное.

Взгляд генерала задержался на моем лице. Я перестала дышать.

На мгновение я почувствовала, как этот взгляд проникает в меня. Словно жаркий выдох, скользящий по коже. Словно шепот в темноте.

Генерал резко отвел взгляд. Он сам понял, что что-то не так. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим стуком трости.

Мои руки потянулись к бинтам, стягивающим грудь для маскировки. Его челюсть сжалась, мышцы на шее напряглись, создавая рельефный рисунок под кожей.

Я развернула бинты. Белые полосы соскользнули на пол. Генерал резко отвернулся. Его челюсть ходила ходуном.

Но через мгновение я увидела, что он снова смотрит. И в этом взгляде я видела что-то, что заставляло меня замереть вместе с воздухом в легких.

Злость вспыхнула в его глазах — яркая, неконтролируемая. Словно он злился, потому что уже не мог НЕ смотреть.

Я облизала пересохшие губы. Вкус железа. Он снова посмотрел — и я не смогла отвести глаз.

Я стояла перед ним только в штанах и сапогах. Смущение жгло лицо, руки тряслись так, что я едва могла держать их вдоль тела.

— И вот это ты собиралась прятать в казарме среди сотни мужчин? — спокойно произнес он.

— Я... — прошептала я, пытаюсь не дрожать и не всхлипывать.

— Вот почему на войне тебе не место! — произнес он, и в голосе звучало отвращение. — Ты чем вообще думала? Ты хоть понимаешь, что бывает с женщиной среди солдат?

Ком в горле вырос, став твердым и колючим. Я молчала, потому что любой звук сейчас показался бы слабостью.

— И на что ты рассчитывала? — в голосе генерала кипела злость. — Что? Начиталась книг про подвиги? Или...

Его голос стал насмешливым. Эта насмешка выжигала меня изнутри, оставляя пустоту.

— ...или думала, что здесь кругом одни женихи, и ты быстро выскочишь замуж?

— Не смейте такое говорить! — У меня прорезался голос, хриплый и громкий. — Да, я понимаю. Я совершила ужасный поступок. Я назвала себя мужским именем... Но, просто услышьте меня... Я вынуждена была так сделать. Эта Академия — единственное место, которое может меня защитить.

— Защитить? О, ты выбрала не то место! Здесь война, кровь, раны, боль, грязь, — произнес генерал, шагнув ближе. Трость стукнула по паркету. — Здесь защиты нет! Так что говори настоящие имя, фамилию. Сейчас же!

— Не скажу! — произнесла я, сжимая кулаки до боли в ногтях. — Я клянусь, что никто об этом не узнает. — Не

узнает, говоришь? — В голосе генерала снова слышалась насмешка. — Сегодня ко мне прибежали со словами: «Кадет Джейлорд ранен в задницу!». У него на построении кровь!

Я простонала, стиснув зубы. Критические дни пришли не вовремя. Я ждала их через неделю, но прямо на построении меня просто скрутило и ка-а-ак полило. На построении мы были без плащей, поэтому на темно-серых штанах быстро появилось пятно. Оно-то меня и выдало.

— Есть много способов выяснить, кто ты такая, — резко произнес генерал.

Он развернулся и вышел. Звук захлопнувшейся двери отозвался эхом в пустоте кабинета. Я слышала, как постукивание трости удаляется в коридоре, и чуть не заплакала.

Руки дрожали, ноги подкашивались. «Хоть бы они ничего обо мне не узнали!» — молила я судьбу, чувствуя, как холод пробирает до костей.

А в голове уже звучал другой голос. Низкий, липкий, знакомый до тошноты.

«Слышишь, маленькая крыса. Что? Решила спрятаться? Не выйдет! Иди сюда! Иди, иди...»

Я вздрогнула, словно чья-то тяжелая рука снова схватила меня за волосы и потащила по полу спальни. Ком тошноты подкатил к горлу. Запах крови и дорогого изысканного вина, крики, смех...

Дверь кабинета ректора открылась.

Генерал прошел через весь кабинет, его шаги были тя-

желыми, размеренными. Но трость выдавала предательскую слабость, которую он не хотел показывать.

Он положил на стол бумагу, придавив ее рукой, на которой сверкнул роскошный перстень.

— Львина Соулкен. Не так ли? — произнес он, поднимая на меня траурные глаза.

Меня затошнило. Да, это она. Точнее, это имя той несчастной девушки, в чьем теле я очнулась семь месяцев назад. Имя, которое было для меня приговором.

— Могла бы и сама сказать! Почему я должен сам это все выяснять! — Голос генерала грохотал так, что мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, рассыпаться в пыль. — Я уже сообщил вашим родным о вашем месте нахождения. Они, между прочим, вас разыскивают!

Сердце остановилось.

Я едва ли не взвыла.

В памяти всплыло другое лицо мужа. «Маленькая дрянь! Ты за это ответишь!» — голос стал ближе, реальнее.

Я видела свою руку, в которой был зажат нож для писем. И его руку, испачканную кровью. Видела кровавые капли на роскошном ковре и полу спальни. «Принесите мне платок! Или что-нибудь! Эта маленькая тварь меня ранила! И сейчас она за это ответит!»

— Господин генерал! — шепнула я, чувствуя, как слезы обжигают щеки. — Я прошу вас. Не отдавайте меня обратно.

— Женщине не место в этой Академии! — холодным, от-

страненным голосом произнес генерал Моравиа.

Глава 1

— Я понимаю, — я встала, чувствуя, как силы покидают тело. Слезы лились сами, неудержимо. — Я всё понимаю... Но я не могу вернуться... Меня выдали замуж... Месяц назад. Мой муж... Он — чудовище! Он — больной на голову... Он издевался надо мной. Вот... Вот, посмотрите...

Я повернулась к нему плечом. Там, на бледной коже, змеился шрам. Грубый, неровный. Там он пытался вырезать ножом своё имя. И вырезал бы, если бы я не сопротивлялась.

— В первую брачную ночь он пытался... угостить мной... своих... друзей, — прошептала я, и каждое слово давалось с трудом, вырываясь из глубины травмы. — Это ужасно... А когда я отказалась, он... он стал вырезать на моём теле своё имя, чтобы я знала, кому принадлежу...

Моё дыхание сбилось.

— Вот, посмотрите... Конечно, сейчас не так видно... И это кажется просто шрамом, — прошептала я, понимая, что время затянуло рану, сделав её лишь напоминанием.

Силы изменили мне. Колени подогнулись, и я упала на пол, прямо к его сапогам.

— Я прошу вас. Не отдавайте меня обратно. Я готова полы здесь мыть, — шептала я, хватаясь за край его брюк. — У вас же есть сердце! Я знаю, оно есть у всех... И у вас тоже...

Генерал смотрел на меня сверху вниз. В его взгляде не

было жалости. Только холодная оценка.

— У меня нет сердца. У меня есть вместо сердца долг и честь, — произнёс он.

Он смотрел на меня так, словно перед ним сидела избалованная девчонка, устроившая истерику из-за неудачного брака, которая сделает всё, чтобы не возвращаться домой.

— Я понимаю, почему вы мне это рассказываете. И почему вы не хотите обратно, домой. За ваше безрассудство вас определённо ждут большие неприятности дома. Вы своим глупым поступком бросили тень на честь семьи. А поскольку факт вашей пропажи уже предали огласке, то тень на репутации успела превратиться в пятно.

Каждое его слово было как гвоздь в крышку гроба.

— Вы говорите, что он бьёт вас. Я вижу лишь старый шрам, который вы могли получить где угодно, — произнёс генерал, и в его тоне звучала уверенность человека, привыкшего видеть ложь. — Я уверен, что вы, мадам, как выяснилось, слегка драматизируете. Вы, женщины, зачастую склонны к преувеличениям. Особенно, если преследуете свои цели.

— Я говорю правду! Я... я даже преуменьшаю, — шепнула я, глядя ему в глаза, умоляя поверить.

— Встаньте с колен! И сядьте в кресло! — приказал генерал. Взгляд его был холодным, а голос страшным. — Если ноги вас не держат, то сидите! И накиньте что-нибудь. А то трясётесь от холода.

Я послушалась. Накинула свой мундир, дрожащими руками застёгнула его, пряча тело, пряча стыд.

Внезапно генерал повернулся ко мне. В его глазах уже не было прежней ледяной ярости.

— Я понимаю, что у вас могут быть проблемы с мужем. Я допускаю, что брак был заключён без вашего согласия, — заметил он.

Впервые за весь разговор в его голосе не было стали. Словно кто-то приглушил лезвие тканью. Он говорил не с кадетом. С человеком. И этот тон давал мне болезненную, ложную надежду, что он поймёт меня, услышит...

— Но на войне, девочка, всё намного страшнее, чем то, что ты говоришь. Тебя может изуродовать так, что ты на себя смотреть не сможешь! — произнёс он. Я чувствовала, как его голос теплеет. Совсем чуть-чуть. Совсем капельку. Он говорил со мной, как с неразумным ребёнком.

— Вся твоя красота превратится в сплошной уродливый шрам. Тебя может так покалечить, что ты больше не встанешь. А ещё тебя могут убить, — продолжал он.

Его взгляд серых глаз снова остановился на мне.

Я тяжело дышала. Воздух казался разрежённым.

— Я... я готова к этому... — выдохнула я.

Слова рвались наружу обрывками. Я сглотнула, но горло не подчинялось. В кабинете стояла такая тишина, что слышно было, как скрежещет металл его трости.

Это всё, что я смогла из себя выдавить.

— Не готова! — голос генерала стал резким, как удар сильной руки об стол. Я вздрогнула. — К этому нельзя быть готовым. Сейчас перемирие. Временное. А это означает, что и мы, и противник ищем способы, как лучше, страшнее и болезненней убивать друг друга. Изобретаем новые заклинания, новые тактики, стратегии. Раньше драконы были почти неуязвимы. Но, как видишь, некоторые заклинания способны навредить даже дракону.

Его серые глаза вспыхнули. Зрачок вытянулся, став вертикальным, звериным. Он крепче сжал трость, костяшки пальцев побелели.

— А теперь представь, что такая магия способна сделать с человеком, — произнёс он тихо, и этот тихий голос был страшнее крика. — Что было бы, если бы на моём месте был человек? Ты этого хочешь?

Он показал рукой на свой шрам на щеке.

— Хочешь быть такой же?!

Я молчала. Слезы катились сами, непроизвольно, оставляя на щеках холодные дорожки. Внутри разливалось ожидание ужаса. Тягучее, липкое, как смола.

— Господин генерал...

Дверь распахнулась.

Резкий звук разрезал тишину. На пороге стоял офицер связи, бледный, с плотно сжатыми губами.

— За девушкой прибыли, — коротко бросил он.

У меня внутри всё оборвалось. Мир сузился до точки. До

звука собственных ударов сердца, которые вдруг стали оглушительными.

Потому что я знала: если он найдёт меня — живой меня больше никто не увидит.

Глава 2

Слова офицера повисли в воздухе, тяжелые и липкие. «За девушкой прибыли».

Мир не рухнул.

Он просто выключился. Звук захлопнувшейся двери кабинета ректора, который еще секунду назад казался громом, исчез.

Исчез треск поленьев в камине. Исчез даже звук собственного дыхания. Остался только гул. Низкий, вибрирующий гул в ушах, ритмичный и безжалостный, как отсчет времени до казни.

Тук-тук. Тук-тук.

Это билось сердце. Или, может быть, это стучали каблуки роскошных туфель по паркету коридора? Я не могла различить.

Мои руки, еще минуту назад сжимавшие край мундира, онемели. Кровь отлила от пальцев, оставив их мертвенно-бледными и ледяными.

Я не смотрела на дверь. Тень под дверью вытянулась. Я задержала дыхание, пока лёгкие не начали гореть.

Генерал Моравиа стоял неподвижно.

Я чувствовала его взгляд — тяжелый, оценивающий. Он ждал реакции. Ждал слез, истерики, мольбы. Но я не могла издать ни звука. Мой животный инстинкт, загнанный в

угол зверь, приказал замереть. Притвориться мертвой. Может, хищник пройдет мимо?

Нет. Это было не сердце. Это были шаги. И эти шаги приближались.

— Сюда, господин граф, — послышался дежурный голос офицера в конце коридора.

Сначала — тихий шорох по ковровой дорожке. Затем — четкий, размеренный стук. Едва уловимый, тонкий перезвон. Золото о золото. Перстни.

Я узнала этот ритм. Узнала эту походку — легкую, пружинящую, хищную. Так ходят те, кто уверен, что все вокруг принадлежит им по праву рождения.

Дверь открылась.

В кабинет ворвался свет из коридора, и вместе с ним вошел он.

Фландр.

Если генерал Моравия был воплощением ночи, стали и шрамов, то Фландр был солнцем.

Ярким, ослепительным, обманчивым солнцем зимнего утра.

Высокий, стройный, в безупречно сидящем камзоле темно-синего цвета, который подчеркивал ширину плеч и узость талии. Светлые волосы, аккуратно уложенные, падали на лоб мягкими локонами. Лицо — открытое, благородное, с правильными чертами и ясными голубыми глазами. В этих глазах сейчас стояли слезы.

— О, Львина... — выдохнул он так, словно не чаял увидеть меня живой.

Голос дрожал. В нем было столько боли, столько облегчения, что у меня внутри все скрутило в тугую, болезненный узел. Тошнота подступила к горлу, горячая и кислая.

На одно чудовищное мгновение мне захотелось поверить, что он приехал за мной, а не за своей собственностью.

Эта предательская мысль напоминала ядовитую змею. И я мысленно схватила ее рукой, чтобы не дать ей укусить душу.

Фландр шагнул ко мне, игнорируя присутствие генерала. Его движения были плавными, почти танцующими. Он опустился передо мной на одно колено, взяв мои ледяные руки в свои. Его ладони были горячими и сухими. Слишком горячими.

— Боги, как ты исхудала, милая, — прошептал он, поднося мои пальцы к губам.

Поцелуй был мягким, невесомым.

На одно короткое, унижительное мгновение мне захотелось броситься ему в объятия и поверить, что всё будет хорошо. Что он действительно приехал за мной.

Что мой побег что-то изменил. Что он понял. Раскаялся. Что сейчас всё закончится.

Но когда он опустил мои руки, его пальцы сомкнулись на моих запястьях.

Захват.

Крепко. Жестко. Я почувствовала, как кости хрустнули

под давлением. Это была не любовь. Это были наручники. Тайный знак, что больше он меня не отпустит.

Моё тело отреагировало раньше разума. Спина напряглась. Дыхание оборвалось. Я перестала шевелиться. Так всегда было, когда он сжимал меня слишком сильно.

— Не подходи ко мне! — вырвалось у меня хрипло.

Глава 3

Мое тело дёрнулось, пытаюсь отшатнуться, но он держал крепче. Его улыбка не дрогнула. Наоборот, она стала ещё мягче, ещё печальнее.

— Тише, моя хорошая, — произнёс он, глядя мне в глаза с бесконечной нежностью. — Ты в безопасности. Я здесь.

Меня затрясло. Не от страха. От воспоминаний.

Именно таким голосом он однажды велел держать меня, пока его друзья смеялись.

Я подняла глаза на генерала, умоляя о помощи.

Анкей Моравиа наблюдал за нами, слегка прищурившись. Его рука лежала на набалдашнике трости, большой палец медленно поглаживал серебряную чешую дракона.

— Граф Соулкен? — голос генерала прозвучал тихо и недоверчиво.

Фландр поднял голову. В его глазах мелькнула искренняя, тёплая радость.

— Генерал Моравиа? — он широко улыбнулся, и эта улыбка осветила комнату. — Неужели вы не узнали своего бывшего адъютанта?

Внутри всё оборвалось. Они знали друг друга.

Нет.

Нет-нет-нет.

Только не это.

Моравиа сделал шаг вперёд, и в его позе появилось нечто новое. Напряжение, которое держало его спину прямой струной, чуть ослабло.

— Фландр Стеброк? — переспросил генерал, и в его голосе проскользнула тень прежней дружбы, товарищества, рождённого в окопах. — Ты?

— Я, сэр, — расцветая от счастья кивнул Фландр, поднимаясь на ноги, но не отпуская моих рук. — После смерти дяди титул и фамилия перешли ко мне. Как к единственному наследнику. Теперь я — граф Соулкен. И довольно богат!

Генерал коротко кивнул, и на мгновение маска непробиваемой жёсткости треснула.

— Рад видеть тебя живым и в добром здравии, Фландр. Прошло много лет.

— Для меня было большой честью служить рядом с вами, даже если теперь наши пути разошлись, — ответил Фландр с идеальной учтивостью.

Мне хотелось закричать.

Схватить генерала за мундир.

Сказать: «Не верьте ему».

Но язык словно примерз к нёбу.

Фландр повернулся к генералу, увлекая меня за собой.

Я невольно оказалась между ними.

Между человеком, который мог меня спасти... и человеком, который пришёл забрать меня обратно.

— Примите мою глубочайшую благодарность. Моя се-

мья... Мы уже потеряли надежду. Львина исчезла так внезапно, так необъяснимо...

Моравиа перевёл взгляд на меня. Его серые глаза снова стали холодными, как ледники.

— Ваша супруга, граф, жаловалась на неподобающее обращение с вашей стороны. Вплоть до рукоприкладства, — произнёс генерал ровно. — Она утверждала, что бежала сюда, чтобы спасти свою жизнь.

Глава 4

В кабинете повисла тишина. Я затаила дыхание, ожидая взрыва. Гнева. Отрицания. Ударов.

Но Фландр лишь тихо рассмеялся.

Это был легкий, мелодичный смех. Смех человека, который слышал забавную шутку.

— О, наша старая песня, — покачал он головой, с грустью глядя на меня. — Генерал, вы же знаете прекрасно, что я никогда бы не поднял руку на женщину. Ну мне ли вам рассказывать! А что по поводу моей жены... У нее... очень богатое воображение. Семейный доктор говорит, что ей следовало бы писать романы. Ими бы зачитывалась вся столица!

Он провел свободной рукой по моим волосам. Я вздрогнула раньше, чем успела себя остановить.

Слишком быстро.

Слишком заметно.

— Неправда, — прошептала я. Голос сорвался. — Не верьте ему, господин генерал. Он...

— Шшш, — Фландр приложил палец к моим губам. Его прикосновение было ласковым, но от него по коже пробежал мороз. — Не нужно, родная. Хватит фантазировать. Ты устала. Ты напугана. А твое богатое воображение снова играет с тобой злую шутку.

Он повернулся к Моравиа, разводя руками в жесте вынуж-

денной беспомощности.

— Она очень чувствительная натура, генерал. Знаете, есть такой тип женщин... Они из мухи делают дракона. Ей скажешь слово поперек, а она через час решает, что ее избивают. Это трагедия ее восприятия мира, а не моей жестокости, — вздохнул Фландр.

Ты тоже теперь на его стороне, генерал. Все! Весь мир на его стороне!

У меня защипало в глазах от внезапных слез злости на весь мир, который видит только эту заботливую и прекрасную маску, но не видит твари, которая прячется за ней.

Мне стало стыдно.

По-настоящему стыдно.

Так, словно я действительно была истеричной дурой, которая устроила весь этот кошмар из-за семейной ссоры.

Моравиа молчал. Он смотрел на Фландра, затем на меня.

Я видела, как его взгляд скользит по моему лицу, ища подтверждение лжи.

Но я не могла говорить. Слова застревали в горле, превращаясь в бессвязный хрип.

— А шрам? — вдруг спросил генерал.

Мое сердце пропустило удар. Шрам на плече. Грубый, неровный, выжженный кожей. Он запомнил шрам. Он хочет выяснить правду... Эта мысль придала мне сил.

Глава 5

— Речь идет о шраме на плече, — тихо уточнил Фландр, не выпуская моих запястий.

Его большой палец начал медленно, почти гипнотически поглаживать кожу над пульсом, считая бешеные удары.

Муж легко вздохнул. В этом вздохе не было ни напряжения, ни оправданий. Только усталая, взрослая снисходительность.

— Ах, это, — он кивнул, и в его голубых глазах мелькнула искренняя, почти детская жалость. — Старый и глупый несчастный случай. Новая горничная, руки не из того места. Уронила раскаленную плойку прямо на плечо. Ткань платья вспыхнула мгновенно. Львина пыталась отряхнуть, но ожог был глубоким. Мы сразу позвали лекаря. Заживало долго, кожа стянулась. Служанку, разумеется, рассчитали без рекомендаций.

Он говорил ровно. Спокойно. Каждое слово ложилось в ровную, логичную цепочку. Без запинки. Без дрожи. Только факты, обернутые в бархат сочувствия.

Генерал не отводил взгляда от моего плеча. Я видела, как его глаза сузились, скользнули по моему плечу.

— Ожог, значит, — тихо произнес он. Не вопрос. Констатация.

Фландр кивнул. И в его осанке появилась та самая уверенность.

ность человека, который знает, что у него всегда есть пара козырей в рукаве.

— Именно так, генерал. Вы знаете мою репутацию. Я бы никогда не позволил себе подобного. Тем более, что мы вместе служили. Разве я когда-либо выказывал неуважение к женщине? Тем более, к той, которую выбрал сам?

Воздух в кабинете сгустился, став тяжелым.

Я открыла рот, но кислород не вошел. Горло сжалось спазмом, словно невидимая петля стянула трахею. Я пыталась выдохнуть правду, но язык не подчинялся. Слова вязли, рассыпаясь в бессмысленный набор звуков.

— Нет... — вырвалось шепотом, похожим на скрип ржавых петель. — Он... он держал нож. Там были... друзья... смех... Он хотел...

Я сглотнула, но слюна была густой, горячей.

В голове билась паника.

Не громкая, не истеричная.

Тихая, душающая. Как вода, медленно заполняющая легкие.

Я смотрела на генерала Моравиа, пытаюсь донести до него смысл, но видела, как его взгляд меняется.

Лед в серых глазах таял, уступая место раздражению. Скепсису. Он больше не видел жертву. Он видел аристократку, которая плетет небылицы, чтобы избежать ответственности за побег.

— Довольно, родная, — мягко, но твердо сказал Фландр.

Он наконец разжал пальцы на моих запястьях. Но тут же перевел руку мне на спину. Ладонь легла между лопаток. Тяжело. Властно. Фиксируя.

Он погладил. Одно медленное, успокаивающее движение хозяина. Так успокаивают корову, которую ведут на убой.

Меня передернуло. Резко, непроизвольно. Плечи дернулись вверх, позвоночник сжался в тугую пружину, тело попыталось ускользнуть от прикосновения. Я не смогла это скрыть. Рефлексы оказались сильнее воли.

В кабинете повисла секундная тишина.

Я поймала взгляд генерала. Он смотрел на мою спину, потом на руку Фландра. В его серых глазах мелькнула искра. Не понимание. Но сомнение. Тень вопроса. Что-то не сходится в этой идиллии. Он это почувствовал. Физически.

Фландр убрал руку мгновенно. Его лицо исказила идеально отрететированная тревога.

— Видите? — он горько усмехнулся, обращаясь к Моравиа. — Она вздрагивает даже от ласки. Стресс побега сломал ей нервы. Ей нужен покой. Постельный режим. И никаких допросов.

Генерал молча кивнул. Он отвернулся к столу, беря в руки кожаную папку с отчетами. Его спина снова стала прямой, непробиваемой.

Момент сомнения прошел. Логика победила интуицию. Дело закрыто.

Глава 6

И в эту долю секунды, пока взгляд Моравиа был прикован к бумагам, Фландр наклонился ко мне.

Его губы почти коснулись моего уха. Запах дорогого табака, миндаля и чего-то сладковато-гнилостного ударил в нос, вызывая спазм в желудке.

— Ты зря убежала, крыса, — прошептал он. Тихо. Без эмоций. Как констатация погоды.

И улыбнулся. Той самой улыбкой, которой он только что одарил генерала. Теплой. Открытой. Безупречной.

— Пойдем, моя фантазерка, — произнес Фландр уже громко, возвращаясь к роли спасителя. Он накиннул на мои плечи свой бархатный плащ и потянул меня к двери.

Я уперлась. Каблуки сапог проскользили по паркету, оставляя темные полосы. Я цеплялась за воздух, за край дубового стола, за остатки надежды. Но его пальцы снова сомкнулись на моем локте. Железная хватка под бархатом рукава. Сила, отточенная годами.

Я оглянулась. Последний раз.

Моравиа стоял у стола. Он смотрел на нас. Его лицо было маской из гранита. Он видел, как я цепляюсь за дверной косяк, как мои ногти царапают лак, срываясь до белой полосы.

Он видел, как мои пальцы соскальзывают с дверного косяка.

Как беззвучно шевелятся губы.

Но он не сделал ни шага. Не сказал ни слова. Не положил руку на трость.

Для него это была бытовая сценка. Капризная жена, устроившая побег от скуки. Заботливый муж, приехавший забрать блудную жену. Строгий командир, восстановивший порядок. Всё на своих местах. Всё логично.

Дверь кабинета начала закрываться. Свет лампы, силуэт генерала, запах старого дерева и мороза — всё медленно уплывало в сужающуюся щель.

Я смотрела на Анкея Моравиа через эту полоску света. В моих глазах не было мольбы о спасении. Было только одно, немое, кричащее признание, которое он так и не прочитал.

Мне никто не поверил.

Замок щелкнул.

Темнота коридора поглотила нас. И вместе с ней — последняя иллюзия, что где-то в этом мире существует справедливость.

Мы шли вдоль казенных стен, где эхо наших шагов глухо отскакивало от оштукатуренных сводов. Фландр не отпускал мой локоть. Его пальцы лежали ровно, почти по-братски, но кожа помнила вес каждого миллиметра этого прикосновения. Это не была поддержка. Это были путы, затянутые в перчатку из тонкой замши.

Мы шли по коридору Академии, и каждый шаг отдавался в висках глухим, ритмичным стуком. Вокруг кипела жизнь:

кадеты спешили в столовую, звенела посуда, пахло супом и пылью от сапог.

Дежурный офицер у выхода, молодой парень с еще не огрубевшим лицом, вытянулся в струнку, увидев графа. Его кадык нервно ходил под воротником.

Фландр кивнул ему, и на лице легла та самая, выточенная светским воспитанием улыбка.

— Благодарю за службу, кадет.

Голос звучал ровно, бархатно. Я кивнула в ответ, чувствуя, как под ребрами сжимается ледяная пружина.

Глава 7

В этот миг всё выглядело почти обыкновенно. Прогулка супругов. Визит вежливости. Возвращение домой после небольшой размолвки.

Но позвоночник знал, что за этой безупречной вежливостью прячется ужас того, что меня ждет дома. Если я вообще доживу.

— Прощайте, господин! — бросил дежурный мне в спину. — Молодец, — заметил Фландр, чуть склонив голову, излучая спокойствие и власть.

— Ах, я помню, как меня маленького привели сюда за руку, когда умерла мать, а родственникам неохота было возиться со мной. Я ведь когда-то сам учился здесь. Родные стены, — заметил Фландр.

На его лице появилась улыбка.

Никто не видел, как его ногти впивались в ткань моего мундира, оставляя на коже синяки в форме полумесяца. Никто не слышал, как мое дыхание стало коротким и свистящим, словно воздух проходил через узкую щель в горле.

— Дыши ровнее, Львина, — шепнул он, не поворачивая головы. Его голос был тихим, интимным. — Ты пугаешь людей. А мы ведь не хотим привлекать лишнее внимание, правда?

Я кивнула, потому что язык отказывался повиноваться.

Внутри меня все сжалось в холодный, твердый комок ужаса.

В кабинете еще был свет. Там был Моравиа. Там были люди, стены, законы. Там, пусть и иллюзорно, существовал шанс. Здесь, в полумраке коридора, ведущего к выходу, оставались только мы двое. И тишина, которая уже не защищала, а душила.

Тяжелые створки Академии распахнулись, выпуская сырой вечерний воздух.

Плац раскинулся перед нами серым, вытоптанном странством, где еще недавно звенели команды и топал учебный строй. Теперь здесь было пусто.

Воздух ударил в лицо — сырой, холодный, пахнувший мокрой землей и конским навозом.

Фландр не дал мне остановиться.

— Идем, — произнес он спокойно. Так говорят с непослушным ребенком, который заупрямился перед сном.

Его ладонь скользнула с локтя на поясницу, жестко, властно, возвращая в заданный ритм.

Мы прошли через пропускной пункт, где часовой, не поднимая глаз, пропустил нас, принимая нас за нормальную пару, возвращающуюся после визита к командиру.

Вдали, в тени старых платанов, чьи голые ветви скребли небо, как костлявые пальцы, стояла карета. Черная. Лакированная. С гербом Соулкенов на дверцах — переплетенные змеи, кусающие друг друга за хвосты. Внутри, сквозь при-

открытую дверцу, виднелся алый бархат сидений. Он растекался в сумерках, тяжелый, насыщенный, как кровь.

Впервые в жизни я поняла, что такое вид гроба. Не деревянного, с гвоздями, а роскошного, с позолотой и мягкими подушками, предназначенного для того, чтобы медленно, неспешно везти тебя туда, откуда не возвращаются.

Мои ноги сами собой замедлили шаг. Инстинкт самосохранения, загнанный в самый глубокий слой сознания, взвыл тревожным сигналом.

Не иди. Беги. Кричи. Падай.

Но рука Фландра на моем локте стала железной. Он не дергал меня. Он просто вел, направляя мою инерцию туда, куда нужно ему.

— Нет, — выдохнула я. Звук получился сухим, без мольбы. Просто констатация того, что я не сделаю ни шага дальше.

Глава 8

Но рука Фландра на моем локте стала железной. Он не дергал меня. Он просто вел, направляя мою инерцию туда, куда нужно ему.

— Нет, — выдохнула я. Звук получился сухим, без мольбы. Просто констатация того, что я не сделаю ни шага дальше.

Фландр обернулся. Улыбка на его лице не стёрлась. Она просто потускнела, став похожей на трещину на фарфоре.

— Прошу, дорогая. Ветер сырой. Ты и так дрожишь.

Теперь нас разделяла только тишина. Никаких свидетелей. Никаких стен. Только он и я.

В голове вспыхнул обрывок тренировки. Захват запястья. Рычаг на локоть. Удар под дых.

Мое тело вспомнило раньше разума. Пока Фландр делал шаг вперед, чтобы взять меня под руку, я резко развернулась. Левая рука выскользнула из его хватки, правая молниеносно нанесла короткий, жесткий удар ребром ладони ему в солнечное сплетение. Одновременно я пыталась захватить его запястье, чтобы использовать его же инерцию против него.

Удар получился смазанным. Не таким сильным, как на тренировке.

Однако, Фландр даже не пошатнулся.

Его реакция была четкой и быстрой. Он лишь чуть сме-

стил корпус, и мой второй удар рассек пустой воздух. А затем его свободная рука, тяжелая и неотвратимая, как падающая балка, перехватила мое запястье в воздухе.

Хруст.

Боль вспышкой пронзила кисть, заставив меня вскрикнуть. Он не просто держал — он сдавливал кости, превращая мою попытку атаки в болезненную шутку.

Фландр медленно, почти лениво, притянул меня к себе. Его лицо оказалось в дюйме от моего. В голубых глазах больше не было той сладкой лжи, которую он демонстрировал в кабинете. Там осталась только пустота. Холодная, абсолютная пустота хищника, которому надоело сопротивление добычи.

— Ты смотри-ка, зубки показала, — произнес он тихо, с легким, искренним удивлением. — И где ты научилась этому грязному трюку, моя тихая Львина? В Академии учат бить мужчин?

Я рванулась, пытаясь высвободиться, но он легко, одной рукой, прижал меня спиной к холодной лакированной дверце кареты.

— А я ведь, между прочим, твой законный муж. Я твой бог, твой император, твой...., - он не договорил. Красивые глаза сузились, а губы изогнулись надменной дугой.

— Еще раз поднимешь на меня руку, - произнес он зловещим шепотом. — И я сломаю ее. А потом заставлю тебя всем рассказывать, как ты упала с лестницы. Ты меня поняла?

Вторая рука скользнула мне на горло. Не душил. Просто лежала там. Тяжелая, властная печать собственности.

— Я ведь просил тебя не убегать... Ты знаешь, что я сделал с той служанкой, которая помогла тебе сбежать? О, тебе это только предстоит узнать, — сказал он тихо.

Боги, нет... Бедная Маргарита... Она помогла мне, дала свой плащ. И я сбежала через черный ход для слуг, пока мужа не было дома.

— Что ж. Тебе же хуже.

Он произнес это без эмоций. Равнодушно. Будто констатировал факт.

Паника ударила под ложечку горячей волной. Я рванулась назад. Не грациозно. Не как в романах. Как загнанный зверь, который понимает, что клетки не избежать, но всё равно бьется о прутья, ломая зубы и когти.

Глава 9

Я поняла: помощи не будет. Моравия остался там, за закрытыми дверями, занятый своими бумагами и Академией. Мир продолжал жить своей жизнью, а моя жизнь заканчивалась здесь, на обочине дороги, в нескольких шагах от алой пасти кареты.

Ногти впились в его рукав, сдирая дорогую ткань до жесткой подкладки. Я царапала его запястье, пытаюсь вывернуться, пытаюсь вдохнуть хоть глоток воздуха, но он уже нависал, закрывая собой небо. Я укусила его плечо сквозь камзол. Зубы наткнулись на материю, но я давила, пока не почувствовала соленый привкус и его резкий, прерывистый выдох.

Фландр не крикнул. Не замахнулся. Он просто схватил меня за волосы.

Без предупреждения. Без эмоций. Рука сомкнулась на затылке, пальцы вплелись в пряди, как стальные клещи.

Бам.

Звук был глухим, внутренним. Свет мгновенно погас.

Мой лоб глухо стукнул о твердое дерево дверцы.

Мир взорвался белыми искрами. В ушах зазвенело, тонко и высоко, перекрывая шум ветра и стук собственного сердца. Картинка поплыла, рассыпаясь на серые и черные пятна. Вкуса меди во рту стало больше. Колени подломились, но его рука держала меня на весу, не давая упасть в грязь.

Я повисла. Дыхание вырвалось хрипом. В висках пульсировало, отдаваясь в каждую кость.

Сознание возвращалось медленно, рывками. Сначала пришел звук. Шум ветра в ветвях платанов. Затем — запах. Миндаль. Дорогой табак. И кровь. Моя кровь, теплая, стекающая по виску.

Я попыталась открыть глаза, но веки были тяжелыми, словно налитые свинцом. Мир плыл, расплывался в нечеткие пятна.

А потом наступила гудящая тишина.

Густая, ватная, абсолютная.

Фландр медленно разжал пальцы. Я сползла по дверце, цепляясь пальцами за выступы герба.

Муж поправил манжет. Аккуратно, с той же безупречной тщательностью, с какой утром завязывал галстук. Снял невидимую пылинку с лацкана. Поднял на меня глаза.

Он просто смотрел. Его лицо было спокойным, даже слегка скучающим. Он улыбнулся. Той самой улыбкой, которой улыбался генералу. Теплой. Открытой.

Но в этой фальшивой улыбке не было жизни. Была только ледяная уверенность в своей власти.

— Не позорь меня, Львина, — произнес он мягко. Его голос звучал так, будто мы обсуждали погоду или выбор вина к ужину. — В следующий раз я сломаю тебе ногу. Чтобы ты не бегала.

Он взял меня за талию, легко, как перышко, и забросил

внутри кареты. Мое тело безвольно плюхнулось на красный бархат. Голова пульсировала тупой, нарастающей болью.

Дверца захлопнулась.

Фландр навис надо мной, заслоняя лунный свет. В руке блеснуло что-то тонкое и длинное. Нож.

Я узнала его тут же, чувствуя, как внутри забилась ужас. Тот самый, проклятый нож, раны от которого практически не заживали. Я слышала легенды о нем. Говорят, что его закаливали проклятой кровью.

Старинный, с рукоятью из черного серебра, украшенной змеями, фамильный клинок Соулкенов сверкнул кончиком лезвия, поймав свет от тусклого магического светильника кареты.

Я чувствовала, как сердце разбивается о ребра. Нужно бежать или кричать...

Нет!

Он убьет меня!

Глава 10

Прямо сейчас!

Он убьет меня! Убьет! Но тело не слушалось. Все вокруг расплывалось, смазывалось, и мне лишь оставалось смотреть, как острое медленно приближается к моему лицу.

— Знаешь, милая, — прошептал Фландр, проводя холодным лезвием по моей щеке, едва касаясь кожи, — когда я искал тебя, все спрашивали: «А есть ли у неё особые приметы? Родинки? Шрамы?».

Лезвие скользнуло ниже, к углу губ.

Я сжала губы, чувствуя холод лезвия и нервную тошноту. «Не надо, прошу тебя...», - едва слышно шептала я, чувствуя, как кончик лезвия надавливает на мою щеку.

— А у тебя, моя хорошая, особых нет примет. Ты слишком... обычная. Это весьма затрудняло твои поиски, - продолжал Фландр,

Я замерла. Страх парализовал мышцы. Я видела, как в его глазах пляшут безумные огоньки. Все внутри меня напряглось, словно в ожидании боли.

«Он пугает. Просто пугает. Он не будет тебя убивать!», - пыталась успокоить себя я.

Но что-то внутри чувствовало, что на этот раз - это не шутка.

— Так давай исправим эту несправедливость, — улыбнул-

ся он. — Теперь у тебя будет особая примета. Чтобы в следующий раз у тебя и в мыслях не было бежать. А если и появится такая мысль, то найти тебя будет намного проще.

Боль пришла не сразу. Сначала было ощущение холода, будто по коже провели льдинкой.

А потом — жар.

— Аааа, - раскрыла я рот в беззвучном крике боли.

— Тише, - прошептал Фландр. — Я скажу, что нашел тебя такой. И ты это подтвердишь. Подтвердишь, ведь? Да, подтвердишь. Считай это маленьким наказанием за то, что осмелилась сбежать, выставить меня на посмешище перед всем высшим обществом. Еще бы, несколько недель газеты публиковали твой портрет. Несколько недель все потешались над тем, что ты сбежала с любовником, наставив мне рога... А ведь заметь, я даже не спросил, со сколькими мужчинами ты переспала в этой Академии...

Он провел ножом по моей левой щеке, от скулы до подбородка. Не глубоко, но достаточно, чтобы рассечь кожу.

Я вскрикнула. Звук вышел страшным, захлебывающимся. Кровь хлынула горячим потоком, заливая подбородок, капая на воротник мундира.

— Ну вот и все, — ласково объяснил Фландр, вытирая лезвие моим же рукавом. — Считай, что ты отделалась легким испугом.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб, прямо над свежей, пульсирующей раной.

— А теперь спокойной ночи.

Глава 11. Дракон

Буквы в рапорте о поставках провизии для третьего легиона расплывались, превращаясь в серую, вязкую кашу.

Я моргнул, пытаюсь сфокусировать взгляд на сухой канцелярской скуке, но перед глазами стояло другое.

Не цифры. Не печати.

Ее глаза. Большие, темные от ужаса, в которых отражалась лампа, как пойманная в ловушку искра.

И этот запах. Смесь кадетского мыла, металлической пыли и чего-то еще — сладковатого, тревожного запаха страха, который въедается в кожу глубже, чем любая парфюмерия.

Я сжал перо так, что оно скрипнуло. Пальцы ныли.

«Долг и честь», — повторил я про себя, словно заклинание.

Сухие, надежные слова. Они должны были работать. Они всегда работали. Но сейчас они казались пустыми оболочками, внутри которых гулял сквозняк.

Меня раздражала собственная реакция.

Та вспышка жара, когда она развернула бинты. Не похоть. Нет. Что-то более древнее, более опасное. Я помню, как втянул воздух, почувствовав ее запах. Как замер, чувствуя, как он остается внутри меня на доли секунды. Зачем я это сделал?

Я отложил перо. Оно стукнуло о стол слишком громко.

В кабинете было тихо. Раздражающе тихо. Только тиканье часов и шелест ветра за окном. Окна моего кабинета выходили на тыльную часть академии, туда, где росли старые, корявые дубы. Оттуда ничего не было видно.

«Наверное, хочу убедиться, что мой старый приятель прав, — подумал я, вставая. Трость глухо ударилась о паркет. — Что все в порядке. Что девочка просто истеричка. Что Фландр — достойный офицер, а не монстр из ее фантазий».

Странное чувство тревоги не давало мне сосредоточиться на работе. И это раздражало.

Фландр был идеальным кадетом. Безупречным. Холодным. Удобным для системы. Он закончил Академию с отличием и был распределен в штаб.

Я не знал, что за сила заставила меня идти к двери.

“Ты все сделал правильно. Женщине не место в этой Академии. Женщине место в гостиной, в красивом платье, а не на плацу в мужской одежде! Так что считай, что спас ей жизнь и честь! Ведь неизвестно, чем бы обернулось ее дальнейшее пребывание в Академии!”, - подумал я, вспоминая, кто учился в этой Академии.

Некоторые из них чудовища. Настоящие. Без тени совести. Их отдали сюда семьи, чтобы армия стала их клеткой, а приказ — поводком. И чтобы всю свою кровожадность и жестокость они несли в бой. И моя задача — научить их не кусаться без приказа.

Кадетский корпус делал из мальчиков приговоры. Без жа-

лости. Без сомнений. Без права быть слабыми.

Есть только долг. Честь. И Империя.

А что останется от человека внутри — никого не интересовало.

“Я все правильно сделал. Ей здесь не место!”, - твердо решил я и вышел в коридор.

Дежурный у арки вытянулся по струнке, но я прошел мимо, не удостоив его взглядом. Мои шаги эхом отдавались от высоких сводов. Я шел к боковой галерее, где ряд высоких окон позволял видеть внутренний двор и дорогу у главных ворот.

Ночь казалась почти непроглядной. Для обычного человека там, внизу, царил бы полная тьма. Но мои зрачки сузились, становясь вертикальными щелями. Мир окрасился в оттенки серого и зеленого. Тепло живых существ светилось тусклыми оранжевыми пятнами.

Я увидел их сразу.

Фландр вел ее под руку. Его поза выражала заботу, но линия плеч была жесткой. Девочка шла, словно марионетка, ноги заплетались.

Они прошли мимо дежурного. Фландр что-то сказал, дежурный кивнул.

И тут она остановилась.

Глава 12. Дракон

Даже с такой высоты, сквозь тьму, я видел, как ее тело напряглось. Как она попыталась вырваться. Яростное сопротивление, которое заставило меня сжать крепче набалдашник трости.

Фландр дернул ее. Резко.

Моя челюсть сжалась.

«Уходи, — приказал я себе. — Это их семейные дрызги. Он имеет право злиться на нее. Ты не имеешь права вмешиваться».

Но я не отвернулся.

Они подошли к карете. Черная, лакированная, похожая на гроб.

Фландр открыл дверцу. Она уперлась.

И тогда он сделал это.

Мое дыхание оборвалось, а трость едва не хрустнула в руке.

Он схватил ее за волосы. Без предупреждения. Без эмоций. И ударил головой о деревянный косяк дверцы.

Один раз.

Коротко. Жестоко.

В голове что-то щелкнуло. Последняя нить, державшая меня в рамках устава, в рамках приличий, в рамках «долга и чести», лопнула.

Что-то внутри меня оборвалось.

Я не помнил, как выпустил крылья. Просто в какой-то момент ткань мундира затрещала, расплываясь по швам, и тяжелые, кожистые перепонки вырвались наружу.

Трость грохнулась о паркет.

Осколки стекла со звоном посыпались вниз, сверкая в лунном свете. Я уже был на улице. Холодный воздух ударил в лицо, но я не чувствовал его. Чувствовал только ярость. Горячую, слепую, первобытную.

Я не узнавал себя. В тот миг во мне не осталось ни генерала, ни человека. Только чудовище, которое требовало крови.

Карета рванула вперед.

Лошади шарахнулись, копыта взметнули грязь. Я схватил карету за заднюю ось и поднял ее над землей.

Металл скрипнул, дерево застонало.

Лошади встали на дыбы и захрипели, но не смогли сдвинуть карету с места ни на дюйм.

Кучер обернулся, лицо побелело. Он все еще дергал вожжами, но животные только топтались на месте, испуганно фыркая и вращая белками глаз.

Мои сапоги вгрызлись в грязь. Крылья трепетали за спиной, сбрасывая капли начинающегося дождя.

— Остановить карету! — мой голос прозвучал не как приказ офицера. Он прозвучал как рычание зверя, от которого у людей быстро отпадает желание пререкаться.

Кучер побелел. Он вжал голову в плечи, боясь даже ды-

шать. Лошади дернулись раз, потом второй, а потом выбились из сил и постепенно успокоились, хотя их бока ходили ходуном.

Я подошел к дверце и рванул ее на себя так, что она оторвалась вместе с петлями. Фландр, сидящий на бархатных сиденьях, отпрянул. На его лице застыло выражение искреннего, почти детского удивления.

— Генерал? — произнес он. Голос дрогнул лишь слегка.
— Что-то случилось?

Глава 13. Дракон

Я смотрел на него. На его безупречный камзол, на светлые волосы, на голубые глаза, которые сейчас изображали непонимание.

Внутри меня кипела злость. Горячая, черная лава ярости, из-за которой я не видел ничего, кроме застывшей перед глазами картинки. Черная перчатка сжимает ее волосы, а потом точно и жестко бьет головой о карету.

Я протянул руку, схватил бывшего адъютанта за грудки камзола и рывком вытащил из кареты на улицу.

— Да, случилось, — произнес я тихо. В этом тихом голосе было больше угрозы, чем в любом крике. — Мой сослуживец солгал мне.

Фландр попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— В чем же, генерал? Вы меня пугаете.

— В том, что он не обижает жену, — я приблизил лицо к его лицу. Видел каждую пору на его коже, каждый расширенный от страха зрачок. — А ведь девочка сказала правду.

Фландр сглотнул. Его взгляд метнулся к карете, где в тени лежала неподвижная фигура.

— А-а-а, вы про кровь? — он выдохнул, и в его тоне появилась та самая, бесконечно раздражающая снисходительность. — Так она упала... Поскользнулась на подножке. Гордая. Решила взобраться сама. Ну и... немного поцарапалась

о герб. Бедная девочка. Так что прошу отпустить нас домой. Чем быстрее мы приедем, тем быстрее ей окажут помощь...

— Поскользнулась? — переспросил я. — Вот так?

Я не дал ему договорить. Моя рука молниеносно впилась в его светлые волосы. Пальцы сжались в железный замок.

Фландр даже вскрикнуть не успел.

Я ударил его головой о ту самую дверцу кареты.

Хруст. Глухой, неприятный звук удара кости о дерево.

Фландр взвыл. Звук получился некрасивым, животным.

Он осел прямо в грязь, хватаясь руками за лоб, из-под пальцев потекла темная струйка крови.

Я отпустил его. Он остался лежать, скуля и трясясь.

— Просто кто-то забыл, что драконы видят в темноте так же хорошо, как и днем, — произнес я, наклоняясь к нему.

— Вы все не так поняли, — шептал Фландр, пытаясь прийти в себя от боли. В его глазах застыли слезы.

— Я видел каждое твое движение, — припечатал я. — Ты ударил ее о дверцу кареты.

— Вы... вы не имеете права такое говорить! — зашипел Фландр, поднимая на меня полные ненависти глаза. — Она упала! Оступилась! Вам могло показаться... Я пытался ее поймать...

Он смотрел на меня, понимая, что спорить бесполезно.

— Генерал! Это частное дело! — произнес он совершенно другим голосом, полным гордости и уязвленного самолюбия.

Я не стал слушать дальше. Я шагнул в карету.

Внутри пахло дорогим табаком и страхом. Она сидела, привалившись головой к стенке. Глаза закрыты. На виске, прямо у линии роста волос, разбухла ссадина. Но страшнее всего была не ссадина. Рана на щеке. Она сочилась темной, густой кровью, и струйки стекали на ее шею, теряясь в алом бархате сидения.

“Значит, я видел не все!” — пронеслось в голове стремительное, как вспышка.

Перед глазами вспыхнула картинка из ее рассказа: «Там были... друзья... смех... нож...».

И мне стало не по себе.

Глава 14. Дракон

И если хотя бы половина из того, что я услышал, было правдой...

“Я его убью!” - захрипел внутри зверь.

Мне впервые стало плохо. Физически.

Я аккуратно, насколько позволяла кипящая во мне ярость, поднял ее на руки.

Она живая.

В этот момент я рефлекторно прижал ее к груди, обжигая ее лоб горячим дыханием.

Шаг за шагом я нес ее в сторону Академии. Мне было невероятно тяжело. Не от ее веса, не от того, что каждый шаг без трости давался мне непросто.

Меня раздражало даже то, насколько маленькой она казалась у меня на руках.

Раздражало, что я вообще замечаю это.

Меня выворачивало наизнанку от мысли, что я мог так ошибиться. И сейчас вся ярость, не нашедшая выхода, сжигала меня изнутри.

Мне стало еще тяжелее.

От ее близости. Меня выворачивало от мысли, что я сам отдал ее ему в руки.

“Академия - это единственное место,

Желание убить Фландра боролось с желанием укрыть ее

плащом. Чувство вины жгло внутренности сильнее, чем любой огонь.

Я вышел из кареты, не глядя на лежащего графа.

— Человека, с которым я служил, я уважал, — бросил я через плечо. Голос звучал глухо. — А тебя — презираю.

— Ты не имеешь права! — заорал Фландр, пытаясь подняться, но ноги его не слушались. Он пополз по грязи, а светлые волосы окрасились кровью. — Это моя жена! По закону! Верни ее обратно! Ты не имеешь права забирать ее!

Я шел к зданию академии, крепко прижимая ее к груди. Дождь сек лицо, капли стекали по щекам, пытаясь остудить мою кипящую ярость.

Внутри все горело. Ее кожа жгла через ткань. Каждое движение отзывалось в мышцах. Я смотрел вниз. Кровь на ее виске уже начала сворачиваться.

— Думаете, я это так оставлю? — визжал он мне в спину. — Закон на моей стороне!

Я остановился на мгновение, не оборачиваясь. Крылья за спиной медленно складывались.

— А на моей стороне — я и армия, — ответил я.

И пошел дальше.

Дежурный у входа стоял бледный, как полотно, прижавшись к стене. Он видел всё. Видел крылья. Видел кровь. Видел, как генерал Моравия несет на руках женщину, которую должен был выдать мужу.

Я прошел мимо, не объясняясь. Объяснения будут потом.

А пока что есть только ее сердце, которое бьется слабо и неровно рядом с моим.

И страшная мысль о том, что впервые в жизни я ошибся.

“У вас же есть сердце! Я знаю, оно есть у всех... И у вас тоже...” - я словно снова слышал ее голос.

Меня пробило холодным потом. Дыхание перехватило. Я понял. Понял с тошнотворной ясностью, от которой свело желудок. Она пыталась сказать правду. Кричала о ней всем своим существом.

А я не услышал.

Глава 15

Тьма была не покоем, а ловушкой.

Я висела в ней, боясь открыть глаза.

Потому что открытие глаз означало бы возвращение в реальность.

А реальность могла оказаться красным бархатом сидений, запахом миндаля, дорогого вина и его пальцами, сжимающими мою челюсть.

«Не просыпайся!» — билось внутри.

Пусть это будет сон. Сны заканчиваются. Но тело чувствовало иначе. Оно ощущало движение. Ритмичное, тяжелое покачивание. Не стук кареты. Чужой шаг.

В уши втекал знакомый гул, а в нос ударил знакомый запах. Приглушенные команды, звяканье металла, тяжелое, ровное дыхание надо мной. Руки. Крепкие, обхватывающие меня под спину и колени.

Пальцы давили сквозь ткань, оставляя жаркие, непрошенные отметины на коже. Паника ударила под ребра, холодная и острая.

Я дернулась, пытаюсь вырваться, царапая воздух, цепляюсь ногтями за жесткое сукно кителя. Горло сжалось, пытаюсь вытолкнуть крик, но из глотки вырвался лишь сдавленный, рваный стон.

— Утихни.

Знакомый голос прозвучал низко, с хрипотцой, от которой завибрировала грудная клетка, прижатая к его плечу.

— Ты в Академии.

Слова не принесли облегчения.

Они принесли новую волну ужаса. Академия. Генерал. Дракон. Мужчина. Мое тело уже не различало спасителя и палача.

Оно помнило только одно: руки, которые держат, всегда требуют подчинения. Когда он поправил хватку, сдвигая ладонь чуть выше талии, чтобы удобнее нести, мои мышцы сжались в тугую пружину. Я вздрогнула от того, что мундир задрался, а прикосновение пришлось на обнаженную кожу спины.

Я дернулась резко, всем телом, вжимаясь в пустоту, закрывая лицо руками, готовясь к боли.

Он замер.

Я почувствовала, как изменилось его дыхание.

Стало тяжелее. Глубже.

Ладонь, обжигающая мою кожу, медленно, с неестественной, почти болезненной осторожностью, отодвинулась. Он не сказал ни слова утешения.

Не попытался успокоить ласково.

Просто сменил хватку, взяв там, где нет соприкосновения с кожей. Теперь его пальцы касались лишь плотной ткани мундира.

Его челюсть сжалась так, что на шее выступили жесткие,

напряженные жилы. Он смотрел вперед, в темный коридор, но я видела, как напрягся его профиль.

— Ваша трость, господин генерал!

— Отставить пока трость, — хрипло ответил генерал.

Я видела разбитое окно. Осколки уже убирала кадеты, сметая их вениками. Один из командиров отдавал приказы, пока другой замерял размеры стекла.

Я снова посмотрела на генерала.

— Почему я в Академии?

Прошептала я, не узнавая своего голоса. В голове все еще звенело. Мне сложно было сосредоточиться.

— Потому что я так решил, — услышался ответ.

— Вы же все видели, не так ли?

Прошептала я, надеясь, что преступление мужа не останется незамеченным.

В ответ тишина. Он лишь крепче сжал меня.

Глава 16

Внутри всё сжалось не от страха, а от жгучего, удушающего стыда.

Он видел меня. Видел, как я валялась в карете. Как позволила себя ударить.

Видел кровь и безвольно обмякшее тело жертвы.

Он видел меня сломанной. Для тех, кого ломали, это страшнее самого удара.

Мысль о том, что я не смогла за себя постоять, что я ничего не смогла сделать, вызвала внутри меня протест.

Гордость твердила: «Ты должна была не допустить этого. Ты должна была что-то сделать! Ты должна была сопротивляться, ответить, защищаться!»

Сейчас я хотела провалиться на месте, испариться, чтобы он забыл этот миг. Миг моего унижения. Миг моего падения.

Но он помнил. Он нес меня, и я ненавидела себя за эту беспомощность, за то, что не смогла применить те скромные знания, которые успела почерпнуть в Академии.

Мы прошли мимо часовых. Звякнули железные набойки сапог. Чьи-то шаги побежали следом.

— Генерал, мы убрали осколки стекла! Новые стекла уже заказаны! — начал офицер, задыхаясь от спешки.

Анкей Моравиа даже не повернул головы.

— Лекаря. В третий лазарет. Немедленно, — отрезал он.

Голос был глухим, как раскат далекого грома. — Никого не выпускать. Если кто-то спросит — меня нет для посетителей. Если граф Соулкен появится — задержать и сообщить мне лично. Понятно?

— Так точно! — выкрикнул офицер и исчез.

Он не отдал меня никому.

Не передал с рук на руки санитарам. Нес сам. Несмотря на то, что обычно опирался на трость.

Его дыхание стало тяжелее, шаг чуть замедлился, походка стала неровной, но он не остановился.

Я смотрела на его подбородок, на шрам, пересекающий губу, на кадык, который медленно ходил под кожей.

Зачем? Зачем он вмешался? Зачем спас меня?

Этот вопрос бился в висках, заглушая боль.

Он не поверил мне в кабинете. Он отдал меня Фландру. Он видел мои слезы и назвал это драмой.

А потом он разбил стекло и унес меня прочь. Что это было? Долг? Честь? Вспышка драконьей ярости?

Или я просто снова ошиблась?

Я не знала.

И это незнание душило сильнее, чем его хватка. Мне оставалось лишь тягучее ожидание.

Дверь скрипнула на тяжелых петлях.

Из лазарета запахло сухими травами, спиртом и чистым, выглаженным льном.

Генерал опустил меня на жесткое ложе. Не бросил. Опу-

стил медленно, контролируя каждый сантиметр, пока моя спина не коснулась простыни.

Дракон отступил на шаг. Тень накрыла меня, но он не нависал. Дал пространство. Воздух. Я видела, как его мундир разошелся на спине, где ткань была разорвана, обнажив темные шрамы от крыльев.

— Вот, ваша трость! — послышался голос, а офицер подал знакомую трость так, как вассалы передают королю свой меч в знак вечного служения.

Генерал Моравиа стоял, опираясь на трость, спиной к двери, лицом ко мне. Спина прямая. Непокколебимая. Но пальцы на набалдашнике побелели.

— Отдыхай, — сказал он. Просто. Без приказного тона. Без нежности. — Лекарь придет с минуты на минуту. А я пока подумаю, что с тобой делать.

Я смотрела на него.

В его глазах не было ни раскаяния, ни объяснений. Только тяжелая, непереваренная тяжесть.

Я не знала, почему он это сделал. Не знала, что будет дальше. Поэтому просто закрыла глаза. Не потому, что почувствовала себя в безопасности. А потому, что больше не было сил бояться вслух.

Глава 17. Дракон

Я стоял у окна, спиной к ряду застеленных белоснежными простынями пустующих коек лазарета.

Стекло было холодным, ледяным под пальцами, но мне нужен был этот холод. Нужно было что-то, что могло бы остудить жар, полыхавший внутри груди.

Женщине не место в Академии. Это не пансион благородных девиц. Здесь убивают. Насилуют. Ломают. Здесь даже мужчины сходят с ума. И я всё сделал правильно.

Правильно.

Тогда почему мне хочется свернуть Фландру шею?

Я сжал пальцы в кулак, чувствуя, как хрустят перчатки.

Мало. Нужно было свернуть гаденышу шею.

За моей спиной слышалось тихое шуршание тканей, звон металлических инструментов о поднос.

Я не обернулся сразу. Я смотрел на темный плац, на знамя империи, которое трепал ночной ветер. Оно напоминало большую алую птицу на флагштоке. И перед глазами было такое же знамя. Порванное, прожженное в моей руке. Оно гордо реяло над захваченным фортом, напоминая о цене победы.

Я отошел от окна и встал у стены, скрестив руки на груди.

Трость осталась у двери, прислоненная к косяку, как ненужный костыль. Сейчас мне не нужна была опора. Мне

нужно было стоять. Быть скалой. Быть тем, кто контролирует ситуацию.

Внутри еще жгла ярость. Она требовала выхода, но я не давал его.

Как же я зол. И как мне нужно спустить пар. Иначе я точно кого-то убью.

Лекарь, старый ворчун по имени Леандр, возился над ее лицом.

Его пальцы, привыкшие к грубой работе с переломами и ожогами, сейчас двигались с непривычной, почти трепетной осторожностью. Он светил магическим кристаллом, направляя поток мягкого зеленого света на рассеченную щеку девушки.

— Затягивайся, — бормотал он себе под нос, хмурия седые брови. — Ну же, затягивайся.

Зеленое свечение пульсировало, обволакивая рану. Кровь должна была остановиться, кожа — стянуться. Обычная процедура. Пустяк для армейского медика, выдавшего куда более серьезные повреждения.

Но кровь не останавливалась.

Я хмуро следил за каждым его действием. Это немного отвлекало меня от кипящей злости.

Тонкая алая струйка продолжала сочиться из-под пальцев лекаря, стекая по подбородку Львины и оставляя яркие капли на белом подворотничке ее расстегнутого мундира.

Леандр отдернул руку, словно обжегся. Зеленый свет по-

гас. Он посмотрел на свои пальцы, испачканные кровью, затем на меня. В его глазах плескалось недоумение, граничащее с тревогой.

— Господин генерал... — голос Леандра дрогнул.

Я уже понимал, что что-то не так. По его тону. По его растерянному взгляду.

В груди, на выдохе я почувствовал тихий рык.

— Она словно... отталкивает магию, — прошептал лекарь, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Его глаза были широко раскрыты, полные профессионального ужаса. — Хм... Я, честно сказать, впервые сталкиваюсь с таким.

— Отталкивает? — переспросил я, хмурясь.

Да что ж с тобой постоянно что-то не так!

Я уже начинал чувствовать раздражение. С одной стороны, это было хорошо. Ярость перекипела. А от моего раздражения еще никто не умирал. Разве что круги вокруг Академии бегали с полной выкладкой.

Я смотрел на Леандра. Тот смотрел на меня. В этом докторе я не сомневался. Я видел, как он вытаскивал с того света моих ребят, как умудрялся в полевых условиях, в палатке, которую сдувал ветер, проводить сложные операции, спасающие жизни. Как он потом просто обессиленно падал на стул, прикрывая уставшие глаза. Мне казалось, что для этого врача нет ничего невозможного.

— Да. Это не обычное рассечение. Это... похоже на... не знаю, проклятие? — неуверенным голосом заметил Леандр.

Глава 18. Дракон

Он опустил руки. Зеленое свечение погасло, оставив комнату в полумраке, освещенном лишь одной лампой на столе. Лицо девушки казалось мертвенно-бледным, контрастирующим с яркой, почти горячей краснотой раны.

— Других способов нет? — коротко спросил я. Голос был ровным, но внутри что-то сжалось в тугий неприятный узел.

Леандр кивнул, словно обрадовавшись возможности сделать хоть что-то простое, понятное, земное. Он подошел к шкафчику, достал небольшую баночку из темного стекла. Запах горьких трав заполнил пространство, вытесняя запах крови.

— Будет больно, когда я начну зашивать, сэр. Она без сознания, но тело может реагировать. Потом я попробую мазь и компресс. Есть хорошая мазь. Она помогает залечить почти всё и...

— Делай, — оборвал я нить его мысли.

И снова это раздражение в голосе. Эта глупейшая ситуация вызывала во мне желание что-нибудь сломать. Нет, я поступил так, как должен был поступить! Убрать ее из Академии. Вернуть родственникам. Кто виноват, что все так повернулось? Еще в кабинете я почувствовал неладное. Но списал на то, что муж имеет право на нее злиться за ее побег. Я был уверен, что дома ее ждет заслуженный скандал.

Но такого развития события я не предполагал.

“Ты виноват!” — произнесло что-то внутри.

“А что? Мне нужно было оставить ее здесь?” — скрипнул зубами я.

Я бросил взгляд на доктора, который старательно обрабатывал рану перед тем, как ее зашить.

“Не хочу это видеть. Не хочу!” — рычало что-то внутри меня, словно противясь всему, что происходит.

Игла вошла в кожу. Я отвел взгляд, но ненадолго. Мои глаза сами нашли её лицо.

В памяти всплыл мой собственный голос. Холодный, насмешливый, уверенный в своей правоте голос генерала, который знает о войне всё.

«Тебя может изуродовать так, что ты на себя смотреть не сможешь! Вся твоя красота превратится в сплошной уродливый шрам. Ты этого хочешь?»

“Прекрати!” — прорычал я, чувствуя, как снова поднимается ярость. Дыхание снова изменилось. Вдох — рокочущим, выдох — рычащим.

Меня раздражало даже то, что я снова и снова смотрю на нее.

Раздражало, что перед глазами до сих пор стоят удар и черная перчатка в ее волосах.

И то, как она цеплялась за дверной косяк.

Я слишком поздно понял, что это была не истерика.

Я прочистил горло, чувствуя, как рокот в груди отдается

в ребра.

А мне что нужно было делать? Нянчиться с девчонкой? Позволить ей и дальше продолжать обучение? Забыть про устав и позволить ей учиться дальше?

Леандр завязал последний узел. Белые нитки стянули края раны, но кровь продолжала сочиться, пропитывая марлю. Лекарь нанес мазь — густую, желтоватую массу, пахнущую смолой и медом.

— Шрам останется, сэр. Очень жаль... Красивая девочка... Жаль, что так вышло. А я ведь думал, что магия его на раз-два, — тихо произнес он, накладывая поверх повязку. Бинты, белые и стерильные, скрыли искаленную плоть. — Глубокое повреждение тканей. Магия отвергнута. Останется рубец. Возможно... эм... не очень красивый. Я старался работать аккуратно...

Глава 19. Дракон

Леандр умолк, глядя на свою работу.

Шрам, значит.

Я смотрел на белую повязку, перечеркивающую её лицо диагональю. От скулы до подбородка.

«Ну и что?» — попытался сказать внутренний голос офицера. «На войне бывают хуже. Потерянные конечности. Слепота. Ожоги половины лица. Она выживет. Это главное».

«Но это лицо», — отвечал другой голос.

Я посмотрел на нее.

До этого момента я видел в ней кадета. Нарушителя устава. Проблему.

А сейчас, когда она лежала без сознания, с закрытыми глазами, с окровавленной повязкой на лице, я почувствовал, что ярость больше не контролирую.

— Я выйду на минуту, — холодным голосом произнес я и направился к двери. Рука сжала ручку так, что она чуть не развалилась в моей руке. Я шел по пустому коридору в надежде, что сейчас мне станет легче. Я дошел до тренировочного зала. Он был пустым.

— Arrrx! — я обрушил удар кулаком о стену, оставляя вмятину на сером камне. Кирпичи побежали трещинами. Боль взорвала костяшки, рука загудела до самого плеча.

Фландр. Я знал другого человека. Мужественного, чест-

ного и порядочного. Того, кто спокойно может отчитываться, когда стены крепости ходят ходуном от летящих в нее заклинаний. Когда все в панике разбежалось и пряталось, он мог стоять во весь рост. Сколько раз я ставил его в пример мужества. И даже прикалывал медали к его груди.

Что с ним случилось? Неужели деньги так развратили его? Или он всегда был таким, просто армия держала его в железном кулаке, не давая проявить себя с худшей стороны?

Удар. Еще удар.

Казалось, стена загудела, а вместе с ней вся Академия.

— Достаточно! — приказал я себе.

Я отдышался, чувствуя, что мне полегчало. Ярость больше не слепила глаза. Одернув мундир, я посмотрел на свои руки. Раны затягивались на глазах. Порванные пыльные перчатки я сунул себе в карман. Надо будет заказать новые.

Я вернулся в больничное крыло. Операция была закончена. Мой взгляд снова упал на повязку. Я не мог отвести глаз от этого белого пятна на её коже.

Мне стало физически тошно. Желудок скрутило спазмом. Воздуха вдруг стало не хватать.

Я резко отвернулся к окну.

Глава 20. Дракон

Стекло отражало мое лицо. Искаженное, темное, с вертикальными зрачками, которые медленно возвращались в человеческое состояние.

Шрам на моей собственной щеке ныл, реагируя на изменение погоды или на внутреннее напряжение.

— Готово, господин генерал, — тихо сказал лекарь. — Ей нужен покой. И наблюдение. Если начнется жар...

— Я буду здесь, — перебил я. — Я позову.

Леандр поклонился и бесшумно вышел, оставив нас вдвоем.

Тишина вернулась. Но теперь она давила.

Я сделал шаг к кровати. Хотел проверить пульс. Хотел убедиться, что она дышит.

Мой взгляд скользнул по ее лицу. По гладкому лбу. По закрытым глазам.

И остановился на повязке.

Белый бинт на лице казался ослепительно ярким в полумраке лазарета. Пятном грязи на чистом листе.

Я почувствовал, как внутри поднимается тошнота. Физическая, тяжелая тошнота.

Мне стало трудно дышать. Воздух вдруг стал слишком густым, насыщенным запахом лекарств и ее крови.

Я отвел взгляд.

Сначала просто в сторону, на пустую стену.

Потом понял, что даже там, в периферийном зрении, эта белая повязка маячит, как обвинение. Этот белый кусок марли пытается обвинить меня в том, что я поступил так, как должен был поступить.

Я резко развернулся и подошел к окну.

За стеклом бушевала ночь. Дождь усилился, барабаня по подоконнику частой, нервной дробью.

Я уперся лбом в холодное стекло. Кончики пальцев побелели от напряжения, когда я сжал подоконник.

Мне хотелось разбить стекло. Шагнуть наружу. Найти эту черную карету. Найти Фландра. Разорвать его на части так, как рвут добычу драконы в своем истинном облике. Медленно. Мучительно. С наслаждением.

Но сначала мне нужно решить, что с ней делать теперь. После всего случившегося.

Стук заставил меня резко посмотреть на сторону двери.

— Господин генерал! — послышался голос офицера, вошедшего быстрым шагом в лазарет. — Вам велено передать! Посыльный. Курьер из дворца!

Он отдал честь и протянул мне письмо с печатью королевской канцелярии. Я почувствовал, как мой взгляд становится ледяным, а брови сами хмурятся.

Я сорвал печать, развернул бумагу. Я уже знал, что будет в письме. И не ошибся.

Глава 21

Леандр ушел совсем недавно, и тишина, воцарившаяся в лазарете, казалась оглушительной.

Воздух здесь был густым, насыщенным до предела запахами сушеной полыни, спирта, горячей воды и той особой, металлической сладостью свежей крови, которая всегда вызывала у меня легкое головокружение.

К этому примешивался еще один оттенок — горький, терпкий аромат мази, которую лекарь щедро нанес на мою рану.

Я сидела на краю жесткой койки, кутаясь в тонкое казенное одеяло, и смотрела в окно.

Щеку тянуло. Тянуло так, словно ее склеили клеем.

Ощущение было так себе.

Даже когда я пыталась пошевелить уголком губы, щека приходила в движение, вызывая ноющую боль.

За мутным стеклом лил дождь. Серая пелена дождя застилала утро.

В Академии было тихо. Слишком тихо. Эта тишина давила на уши, звенела в висках, создавая иллюзию, что ничего не произошло. Словно несколько часов назад меня не волокли по коридору, не били головой о дерево кареты, не резали лицо, как разделявают тушу на бойне. Словно я не лежала сейчас здесь с зашитой щекой, а все еще была каде-

том Августом Джейлордом, сильным, неуязвимым, скрытым за маской и мундиром.

Я закрыла глаза, пытаюсь вытеснить эти воспоминания, но стоило мне погрузиться во тьму собственных век, как ощущения вернулись с новой силой.

Я снова почувствовала черную перчатку в своих волосах, услышала этот низкий, липкий шепот: «Ты зря убежала, крыса...».

Резкий вдох обжег легкие холодным воздухом комнаты. Я стиснула пальцами край одеяла, чувствуя, как ткань натягивается, становясь последней преградой между мной и тем ужасом, который ждал за дверью, в темноте моего собственного разума.

Нет. Не думать. Только не сейчас.

На тумбочке возле кровати стояла кружка с остывшим отваром, рядом лежали свежие бинты и маленький металлический поднос для инструментов. Мой взгляд скользнул по нему, задержавшись на несколько секунд. Поверхность металла была зеркальной, хоть и немного поцарапанной.

“Посмотреть... Нужно посмотреть на себя...”, - прошлепала мысль, а я испугалась ее. Я знала, что ничего хорошего не увижу.

Медленно, словно боясь разбудить спящего зверя, я протянула руку. Пальцы слушались плохо, они были чужими, деревянными, лишенными привычной ловкости. Видимо, я все-таки отбила об него руку.

Я сняла давящую повязку, сложив ее на столик. Щека по-прежнему ныла при каждом движении.

Я подтянула поднос к себе. В мутном, искаженном отражении сначала нельзя было разобрать ничего, кроме светлого пятна лица и темных провалов глаз. Но потом я чуть повернула металл, ловя нужный угол.

И увидела.

Шрам. Тонкий, красный, еще свежий и воспаленный. Он тянулся по левой щеке, от скулы до самого подбородка.

Меня начинало подташнивать от увиденного.

Воздух застрял в легких, превратившись в ледяной, неподъемный ком. Внутри, где-то глубоко, там, где хранилась моя хрупкая надежда на спасение, что-то тихо и окончательно сломалось.

“Нет, нет, это не со мной!”, - шептала я, резко перевернув поднос, чтобы больше не видеть своего изуродованного лица.

Глава 22

Он сделал это специально.

Не в ярости, не случайно, в пылу драки. Специально. Чтобы я каждый раз, глядя в зеркало, в витрину магазина, прикасаясь пальцами к щеке, вспоминала его. Чтобы, куда бы я ни сбежала, он оставался рядом. Этим шрамом. Вечным напоминанием. Чтобы даже мое лицо теперь принадлежало ему. Было его собственностью, отмеченной печатью, как скот на ферме.

Горло сжалось болезненным спазмом.

Я резко отвела взгляд, чувствуя, как глаза наполняются горячей, стыдной влагой, но через секунду снова посмотрела на свое искаженное отражение.

Слезы потекли сами собой — тихо, беззвучно, оставляя на щеках соленые дорожки. Я быстро вытерла их тыльной стороной ладони. Это было глупо. Плакать из-за красоты? К черту красоту. На войне красота умирает первой, я знала это. Но этот шрам... Это было клеймо. Он оставил его на память, чтобы даже когда я одна, в темноте ночи, проводя рукой по лицу, я чувствовала этот рельеф. Шероховатость его ненависти.

Дверь открылась без стука.

Я вздрогнула так сильно, что металлический поднос выскользнул из ослабевших пальцев и с оглушительным грохо-

том упал на пол. Звук прокатился по комнате, как выстрел, разрывая тишину на клочки.

На пороге стоял генерал Моравиа. Высокий. Темный. Неподвижный, как статуя, высеченная из ночного камня. С тростью в руке, драконья голова на набалдашнике которой, казалось, усмехалась в полумраке. Хотя я знала, что при свете дня это был оскал чудовища.

Его взгляд сначала скользнул по подносу, лежащему у моих ног, потом поднялся выше, к моему лицу. К мокрым щекам. К покрасневшим глазам.

Я резко отвернулась, стирая остатки слез ладонью, пряча лицо в тени волос. Только не это. Только не при нем. Мне было ужасно, унизительно стыдно, что он увидел мою слабость. После всего, что он сделал, после того, как он спас меня, я не хотела выглядеть жалкой жертвой. Я хотела быть солдатом. Кадетом Джейлордом. А не Львиной Соулкен, которая боится своего мужа и плачет перед зеркалом.

Я чувствовала, как стыд сменяется злостью. Почему он вошел сейчас? Не мог подождать? Почему именно в этот момент моей слабости? Мне просто нужно было время, чтобы прийти в себя, но он не дал мне его!

Несколько секунд в комнате стояла тяжелая, свинцовая тишина. Слышно было только, как за окном воет ветер, да как тяжело, размеренно дышит он.

— Леандр сказал, тебе нужен покой, — произнес генерал. Его голос был низким, вибрирующим, как струна перед раз-

рывом. — Я что-то не вижу покоя.

Холодно. Ровно. Как всегда. Без эмоций, как сухой отчет о потерях.

Я коротко усмехнулась, и звук получился жалким, сдавленным, больше похожим на всхлип.

— Вы пришли меня проведать? — спросила я, не оборачиваясь. Голос звучал хрипло, сорвано.

Он ничего не ответил. Но я чувствовала его взгляд физически. Он касался моей спины, моего затылка, моих обнаженных плеч, торчащих из-под одеяла. От этого становилось еще хуже.

Словно он видел меня насквозь, считывая каждый страх, каждую слабость, все то, что я так тщательно прятала за маской кадета, за мужской одеждой, за ложным именем.

Я сильнее натянула одеяло на плечи, пытаюсь закрыться, стать меньше, незаметнее.

— Если вы пришли сказать, что меня снова кому-нибудь отдадут, можете не тратить время, генерал, — выпалила я, набираясь дерзости от отчаяния. — Лучше убейте меня сразу. Это будет милосерднее.

Тишина. Потом глухой, ритмичный стук трости о пол. Тук. Тук. Тук.

Он подошел ближе. Шаги были тяжелыми, но уверенными. Я все-таки подняла глаза и впервые заметила: он смотрит не на меня. Его взгляд был прикован к месту, где за шторкой волос скрывался шрам.

Его серые глаза потемнели, зрачки расширились, поглощая радужку. В них не было жалости. Его губы искривились, словно один вид этого шрама раздражал его.

Генерал медленно отвел взгляд. На его скулах дернулись желваки, создавая рельефную тень.

— Хватит реветь, — произнес он жестко, почти грубо. — На войне бывают раны хуже.

Глава 23

Я вздрогнула. Конечно. Что еще он мог сказать? Генерал. Военный. Человек, который всю жизнь смотрел на кровь, кишки и смерть. Для него шрам на лице — это просто неотъемлемая часть войны!

— Для вас, наверное, это ерунда. Царапина, — тихо произнесла я, чувствуя, как внутри поднимается волна бессильной злобы. — Но для меня это не пустяк. Это... Я не знаю, как сказать.

Он молчал. И это молчание вдруг стало странным. Тяжелым. Напряженным.

Я тщательно подбирала слова, пытаюсь выразить то омерзительное чувство, словно мучитель теперь всегда стоит за моей спиной. Даже когда его там нет. Словно его призрак витает в воздухе, отражаясь в каждом зеркале.

Я снова посмотрела на поднос, валяющийся на полу, на свое размытое, искаженное отражение в вогнутом металле.

— Он оставил его специально, — тихо произнесла я. Слова вырвались сами, словно гной из нарыва. — Чтобы я помнила. Чтобы я знала, что я его вещь. Собственность.

Слова прозвучали слишком честно. Слишком интимно, словно я вывернула наизнанку часть души. Я тут же пожалела, что сказала это вслух.

— Конечно, так оно и будет, если ты будешь постоянно об

этом думать! — произнес он, а в голосе прозвучали нотки раздражения.

— И что вы предлагаете? — прошептала я, чуть смочив слюной пересохшие губы. — Перестать думать? Или придумать себе, что шрам получен на войне? Давайте начнем с того, что я не просто так умоляла не отдавать меня мужу. И не просто так сбежала. Но вы все равно отдали меня. Ну конечно! Что значит слово женщины против слова сослуживца? Честно сказать, мне обидно...

Мой голос сорвался, а я взяла паузу, чтобы вернуть себе силы сказать все как есть:

— Я ведь просила вас. Просто не отдавать меня ему.

Генерал не отвел взгляд. И не сказал: «Глупости». Не усмехнулся. Не поморщился от моей сентиментальности. Ничего.

Мне вдруг стало холодно от его молчания.

Он стоял неподвижно, опираясь на трость, и в его глазах медленно появлялось что-то темное. Очень темное. Древнее. Смертельно опасное.

Вертикальный зрачок вспыхнул и тут же снова стал человеческим. Пальцы, обтянутые черной кожей перчатки, медленно сжались на трости. Мне показалось, что он сейчас сломаёт ее.

Легендарное чудовище, которое помнит вкус крови и звук ломающихся костей лучше, чем слова устава.

Я впервые подумала, что сейчас он выглядит страшнее

Фландра. Тот предсказуемое чудовище. А генерал — стихия.

И это пугало сильнее всего.

Генерал сделал шаг вперед. Его тень накрыла меня целиком, отрезая от света лампы.

— Это что получается по твоей логике, — тихо произнес генерал, а сам он усмехнулся, указывая рукой на свой шрам. — Я — собственность вражеских магов, раз они оставили на мне этот шрам?

Я смотрела на его шрам, смотрела в холодную серость его глаз.

— Шрам — это не клеймо. Это просто напоминание тебе о том, что однажды ты оказалась удачливей, сильнее, быстрее, и поэтому выжила, — негромко произнес он.

— Сомневаюсь, что ваши враги стояли рядом с вами возле алтаря, надевали вам кольцо на палец и клялись любить вас до конца времен! — с горькой насмешкой ответила я, чувствуя, как нервно дернулся уголок губ.

В комнате стало тихо.

Даже дождь за окном словно стих.

Генерал смотрел на меня не мигая, и впервые за все время я не могла прочитать выражение его лица.

Глава 24

Ночь в Академии была другой.

Днем здесь звенели команды, грохотали сапоги, пахло стальной, потом и дымом от тренировочных полигонов. Но сейчас все это исчезло. Остались только длинные темные коридоры, тусклые магические светильники под потолком и тишина. Гулкая. словно хранившая топот сапог и приказы.

Я резко распахнула глаза.

Дыхание вырвалось судорожным хрипом, словно я только что вынырнула из ледяной воды. Темнота вокруг казалась осязаемой, липкой. На одно страшное мгновение мне показалось, что я снова в карете. Что подо мной - мягкий бархат сидений, а не простыни лазарета. Что сейчас над мной снова склонится Фландр с этой своей ласковой, теплой улыбкой и ножом в руке.

Я дернулась, инстинктивно прижимая ладонь к щеке.

Рана пульсировала тупой, горячей болью, отдаваясь в виски ритмичными ударами. Швы стягивали кожу, напоминая о реальности грубым, физическим присутствием.

Нет.

Лазарет. Запах полыни, спирта и старого камня. Я в Академии.

Только сердце этого не понимало. Оно билось так яростно и неровно, словно пыталось проломить ребра и выпрыгнуть

наружу, чтобы убежать от воспоминаний.

Перед глазами еще стоял сон. Или кошмар, который был реальнее сна.

Фландр. Его пальцы, впивающиеся в мои волосы, как стальные клещи. Тяжелый, глухой удар лба о дверцу кареты. Мир, взрывающийся белыми искрами. И его шепот, сладкий, как яд:

— Теперь у тебя будет особая примета...

Я резко села на кровати, хватая воздух ртом. Горло пересохло, вкус меди во рту стал невыносимым.

В пустом лазарете было слишком тихо. Эта тишина не успокаивала — она подслушивала мои кошмары.

Ряды коек тонули в полумраке, похожие на могильные плиты. Белые занавески едва шевелились от сквозняка, напоминающего чье-то незримое дыхание. Где-то в углу тикали часы. Тик-так. Тик-так.

Стены давили. Каменные своды нависали низко, готовые обрушиться.

Я вдруг поняла, что не могу здесь оставаться. Просто не могу.

Медленно, стараясь не скрипеть суставами, я спустила ноги на пол. Холод камня обжег босые ноги. Этот холод был хорошим. Он был настоящим. Он возвращал меня в тело.

Я накинула на плечи шерстяное одеяло — грубое, колющее, пахнущее казенным мылом. Оно стало моей броней. Осторожно, ступая по холодному полу, я вышла в коридор.

Ночной воздух Академии оказался ледяным и сырым. Он пах мокрой штукатуркой и дальним дождем.

Тусклые магические светильники под потолком отбрасывали длинные, искаженные полосы света на пол, превращая коридор в лабиринт теней. За высокими окнами шумел ветер, гоняя тучи по черному небу. Где-то далеко, в другом крыле, хлопнула дверь.

Звук прокатился эхом, одинокий и пугающий.

Я шла медленно, стараясь не думать.

Не думать о том, что утром Фландр может появиться снова. Что закон на его стороне. Что король подпишет любой приказ, если граф Соулкен попросит. Ведь род Соулкенов находится в особой королевской милости, с того момента, как его величество взял в жены одну из леди Соулкен.

Не думать о Фландре. О его пустых глазах. О ноже, оставляющем отметины, которые магия отказывается лечить.

Не думать о том, что генерал Моравиа, возможно, все-таки отдаст меня обратно. Что его спасение было лишь вспышкой драконьей ярости, которая уже остыла, уступив место холодному расчету и уставу.

Я свернула за угол и резко остановилась, внутренне отпрянув от неожиданности.

Глава 25

У окна стоял генерал.

Высокий темный силуэт почти сливался с ночной тенью. Только серебряный набалдашник трости тускло поблескивал в полумраке, ловя слабый свет луны. Драконья голова на рукояти казалась живой, следящей за каждым моим движением.

Он стоял неподвижно, глядя в окно, в непроглядную тьму двора.

Спина прямая, напряженная.

Он выглядел так, словно чувствовал всю Академию даже ночью. Словно слушал биение сердец сотен кадетов. Словно вообще никогда не спал, потому что сон — это роскошь, которую не могут позволить себе те, кто держит оборону.

Молниеносный взгляд серых глаз упал на меня. Он не обернулся полностью, лишь чуть повернул голову, но я почувствовала этот взгляд кожей. Холодный, пронзающий, тяжелый.

— Тебе кто-то разрешал выходить из лазарета?

Голос прозвучал резко. В нем не было вопроса. Был обвинительный приговор: «Как ты осмелилась ослушаться приказа отдыхать?».

Я вздрогнула, и шрам на щеке болезненно дернулся.

— А... а вы почему здесь и не спите?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать. Глупый. Дерзкий. Опасный.

На мгновение в коридоре повисла тишина. Даже ветер за окном, казалось, затаил дыхание.

Серые глаза генерала чуть сузились. В полумраке мне почудилось, что его зрачки на секунду стали вертикальными, звериными, прежде чем вновь округлиться. Словно он сам не ожидал, что ему посмеют задать встречный вопрос. Что кадет осмелится говорить с генералом на равных.

— Марш в лазарет, — холодно приказал он.

В его тоне не было места для дискуссий. Это был приказ офицера подчиненному.

Я опустила взгляд, чувствуя, как щеки горят от стыда и страха.

— Да, господин генерал.

Я послушно развернулась и пошла обратно.

За спиной почти сразу раздалась глухой, ритмичный стук трости о камень и тяжелые шаги.

Тук. Тук. Тук.

Он шел следом. Я слушала неровный ритм его походки. Он ведь просто решил закрыть дверь в лазарет? Не так ли? Как только я войду?

Почему-то от этого стало одновременно страшнее... и спокойнее. Страх перед ним никуда не делся.

Передо мной был страшный человек, и я это знала. Я это видела собственными глазами, и до сих пор не могу разви-

деть. Он поставил перед строем одного кадета. Я сначала ничего не подозревала. Но потом... Он огласил приговор. За попытку дезертирства, за убийство гражданского лица, в чей дом он ворвался, чтобы спрятаться от погони, — смерть. И он тут же, не дрогнувшей рукой, привел приговор в исполнение перед всем строем.

Я помню, как гулко билось сердце, как все внутри дрожало, когда на землю плаца рухнуло пронзенное насквозь тело. Как меня замутило от одной мысли, что любая ошибка здесь может стоить жизни.

Громкий.

Глава 26

Но сейчас эта тяжесть его присутствия, этот звук шагов за спиной создавали странное ощущение защиты.

Он караулил.

Эта мысль появилась внезапно, пугающая своей абсурдностью.

Сторожил дверь лазарета. Стоял, словно страж. Лично. Генерал.

Я вернулась к своей койке и быстро села, кутаясь в одеяло так плотно, что неприкрытым осталось только лицо. Сердце колотилось где-то в горле.

Моравиа вошел следом.

В тесном пространстве лазарета он сразу заполнил собой все пространство. Воздух стал гуще, тяжелее. Пахло от него морозом, старой кожей и той самой опасной, мужской силой, которая подавляла волю.

Генерал молча достал из-за кармана мундира сложенное письмо. Белый конверт с сургучной печатью казался ослепительно ярким в полумраке.

— Сегодня твой муж добежал до короля, — произнес он сухо. Без эмоций. Будто сообщал о погоде или поставках провизии. — Королевский совет прислал распоряжение вернуть тебя законному супругу.

У меня похолодели руки. Холод поднялся от пальцев к

плечам, сковывая движения.

Он протянул письмо.

Я взяла его дрожащими пальцами.

Бумага шелестела, как сухие листья.

Королевская печать. Золотой герб империи. Подписи, выполненные уверенным, размашистым почерком.

Я развернула лист. Буквы плясали перед глазами, расплываясь в серую кашу. Но смысл отдельных фраз впивался в сознание иглами:

«...вернуть супругу графа Соулкена...»

«...недопустимое сокрытие...»

«...незамедлительно передать супругу...»

Каждое слово добивало меня.

Буквы начали расплываться окончательно. Слезы подступили к горлу, горячие и кислые.

Я медленно опустила письмо. Пальцы дрожали так сильно, что бумага шелестела.

Я плотнее закуталась в одеяло, словно эта тонкая шерстяная ткань могла защитить меня от того ужаса, который снова приближался.

— И вы опять вернете меня ему? — едва слышно прошептала я. Голос сорвался, превратившись в жалкий писк.

Тишина.

Моравиа смотрел на меня сверху вниз. Неподвижно. Тяжело. Его лицо было маской из гранита, но в глубине серых глаз что-то шевельнулось. Тень? Сомнение? Или просто

усталость?

— Тебе не место в Академии, — наконец произнес он, чеканя каждое слово. — Здесь готовят офицеров, воинов... убийц.

У меня внутри все медленно оборвалось. Последняя нить надежды лопнула с тихим, неслышным звуком.

Конечно.

Чего я ожидала?

Что генерал пойдет против приказа короля ради меня? Ради какой-то там девчонки, которая обманом пробралась в казармы? Ради «нарушительницы устава»?

Я была ничем. Пылью. Ошибкой в ведомостях, которую нужно исправить.

— Значит... вернете, — тихо сказала я.

Голос сник, став плоским и мертвым.

Я отвела взгляд, уставившись в пол, чтобы он не увидел, как снова защипало глаза. Как слезы предательски наполняют их, размывая контуры сапог генерала. Я не хотела плакать при нем. Не хотела давать ему повод считать меня слабой.

Я даже не сразу поняла, что произошло.

Только услышала сухой треск бумаги.

Глава 27

Генерал выхватил письмо из моих ослабевших рук.

И разорвал его пополам, глядя мне в глаза тем самым холодным взглядом.

Звук был громким, непристойным в этой тишине.

Потом он разорвал то, что осталось от письма.

«Быть такого не может!» — ударила мысль, когда белые клочки, словно снежинки, медленно посыпались на темный каменный пол.

Они кружились в воздухе, оседая у его сапог, у моего одеяла, между нами.

Я уставилась на них так, словно не понимала, что происходит. Мозг отказывался обрабатывать увиденное. Это было невозможно. Это было безумие.

— Но... это же приказ короля... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Моравиа бросил остатки письма на ближайший стол. Обрывки легли небрежной кучей.

Серые глаза холодно блеснули в полумраке. В них теперь не было сомнения. Только сталь и только смерть.

— А это — решение генерала.

Он сделал шаг ближе. Трость глухо стукнула о камень, подчеркивая каждое слово.

— У меня здесь нет никакой Львины Соулкен.

У меня перехватило дыхание. Воздух застрял в легких, отказываясь выходить.

Моравиа смотрел прямо мне в глаза. Его взгляд был тяжелым, физически ощутимым. Он будто сканировал меня, проверяя на прочность.

— Есть кадет Август Джейлорд.

Тишина стала оглушительной. В ушах звенело.

— По документам тебя здесь нет, — спокойно произнес генерал.

Я смотрела на него, не понимая, почему мне все еще страшно? Почему кажется, что земля под ногами только что провалилась еще глубже?

Моравиа отвел взгляд к окну.

— Но не думай, что я оставлю тебя в Академии.

У меня внутри все сжалось.

— Что?..

— На рассвете ты уедешь отсюда.

Он произнес это так спокойно, словно все решено.

— Замок моих родственников находится высоко в горах. Гостей там не любят. Особенно незваных.

Трость глухо стукнула о пол, словно ставя точку в этой истории.

— Там тебя не найдет даже твой муж.

«Там тебя не найдет даже твой муж».

Фраза повисла в воздухе, тяжелая и окончательная.

Сквозь высокое стекло пробивался мутный утренний

свет, ложившийся на каменный пол длинными бледными полосами. Я смотрела на него, и внутри медленно поднималась волна тошноты.

Горы. Чужой замок, чужие люди, чужие стены. Быть приживалкой в чужом доме. Находиться в нем на неизвестно каких правах всю жизнь? Не покидать стены, смотреть в окно и вздрагивать, когда приезжает карета?

Нет.

Что-то внутри меня дернулось, ломая привычную липкую покорность. Это было похоже на то, как ломается кость: сначала тихий хруст, а потом — обжигающая ясность.

— Я не поеду к вашим родственникам, — сказала я. Голос прозвучал хрипло, но без дрожи.

Серые глаза медленно поднялись на меня. В его взгляде я увидела вопрос: «Что? Да как ты смеешь!».

— Поедешь, — припечатал генерал. Ровно. Без повышения тона. Словно решал вопрос о поставке дров на зиму. — Все решено.

Глава 28

Жар плеснул под ребра. Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляла.

— Нет, — скрипнула зубами я.

Он не моргнул. Трость глухо стукнула о камень, отозвавшись вибрацией в моих ступнях.

— Я не собираюсь всю жизнь прятаться от своего мужа, — выдавила я, чувствуя, как слова рвутся наружу, обжигая горло. — Не собираюсь сидеть в чужом доме и вздрагивать от каждого скрипа половиц. Не собираюсь снова ждать, когда за мной придут.

— Это не обсуждается!

— Обсуждается! — вырвалось у меня громче, чем я планировала. Звук ударился от каменных сводов, вернувшись эхом. Я судорожно вдохнула, глотая спертый воздух лазарета. — Это единственное место, где я могу остаться. Единственное, где я существую.

— Нет.

Он сделал шаг. Тень от его фигуры накрыла меня, отрезая от света лампы. Запах мороза, старой кожи и едва уловимой металлической остроты драконьей силы ударил в нос, заставляя мышцы на шее напрячься.

— Ты завтра соберешь вещи. И уедешь.

Страх шевельнулся внутри, знакомый, липкий, как смола.

Но вместе с ним поднялось другое. Тяжелое. Упрямое. Злое.

Я не отвела взгляд.

— Даже если вы увезете меня туда силой, я вернусь.

Его веки дрогнули. Едва заметно.

— Вернешься?

— Да.

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в висках тупыми ударами. Я боялась его. Боялась до дрожи в коленях, до того, как пересыхало во рту. Но страх отступил перед мыслью о том, что я навсегда останусь беззащитной.

— Под другим именем. С другим лицом. Как угодно. Но вернусь!

— Тогда я буду досматривать каждого нового кадета лично, — произнес он медленно, и в этом обещании не было угрозы. Была констатация факта. Словно он говорил о погоде или расписании патрулей. — До последней пуговицы.

Воздух стал густым, трудным для дыхания. Я сглотнула.

— Я все равно вернусь, — упрямо твердила я. — Вернусь!

— Успокойся.

— Нет! — голос сорвался, стал ломким, почти детским, и я ненавидела себя за это. — Я не успокоюсь! Вы не понимаете, каково это — жить, ожидая удара? Я не хочу больше бояться тени в дверном проеме. Не хочу просыпаться с мыслью, что сегодня меня снова обидят. Я хочу научиться стоять на ногах. Хочу, чтобы мои руки не дрожали, когда я держу меч. Хочу... — я запнулась, чувствуя, как слова стано-

вятся опасными, острыми, — хочу знать, что если однажды мне придется убить его, я смогу. У меня не дрогнет рука! Не смажется удар! Я смогу защитить себя! От мужа, от другого! Неважно!

Последнее прозвучало тише шепота.

Я замерла. Паника ударила под ложечку холодной волной. Боги. Я только что призналась главнокомандующему имперской армии в намерении убить графа. Это был путь на плаху. Или на виселицу.

— Я не это имела в виду... То есть... — пробормотала я, чувствуя, как жар заливает щеки. — Я просто...

Глава 29

Моравиа не прервал меня. Он просто смотрел. И медленно, очень медленно, раздражение в его глазах растворялось, уступая место чему-то иному. Холодному. Сосредоточенному. Словно он внезапно увидел в грудe обломков не мусор, а сталь, которую можно выковать заново.

— Здесь готовят офицеров, — произнес он наконец. Голос стал тише, но от этого он не стал мягче. Он стал плотнее. — Воинов. Людей, которых ломают с первого дня, чтобы собрать заново со стальным стержнем внутри. Боль здесь — не наказание. Это инструмент.

— Я жила в этой боли! На меня охотились в собственном доме! Я привыкла к боли! — выдохнула я, подаваясь вперед. Одеяло сползло с плеч, обнажая ключицы, но мне было все равно. — Почему я не могу остаться?

Он отвел взгляд. На секунду. Достаточно, чтобы я увидела, как напряглась линия его челюсти под шрамом.

— Потому что тебя уже раскрыли.

— И что? — Я подалась еще ближе. — Лицо скрыто маской! Никто не знает, кто я под ней. Я даже за столом почти не снимаю её. Почему нельзя просто дождаться, пока шов затянется, и вернуть меня в строй?

— Потому что это армия, а не пансион для благородных девиц.

— Но я справлялась!

В голосе зазвенела сталь. Я сама не узнавала эти интонации.

— Я бегала по плацу, когда у остальных перехватывало дыхание. Отжималась в грязи до онемения пальцев. Я таскала учебные снаряды, пока плечи не горели огнем. Я делала всё то же самое, что и они. И никто... никто не заподозрил.

Генерал смотрел на меня неподвижно. Он чувствовал запах моей злости. Чувствовал, как дрожат мои мышцы, готовые рвануться в атаку или отступить.

А потом он спросил:

— Если ты так жаждешь крови, почему не пошла в Магическую Академию? Там учат жечь и исцелять. Там не нужно ломать собственные кости, чтобы победить.

Я резко сжала ткань одеяла.

— Я думала над этим. Но... У меня нет магической искры. Он чуть нахмурился.

— Совсем?

— Что-то есть, но... недостаточно, — процедила я. — Тлеет так слабо, что не зажжет даже свечу.

— Могла бы стать медсестрой!

— Не хочу.

Ответ вырвался слишком резко. Моравиа чуть приподнял бровь.

— Не хочешь спасти людей?

Я стиснула зубы. Перед глазами встало лицо Фландра. Его

улыбка. Блеск лезвия. Запах миндаля и гнили.

— Как я могу спасти человека, если не могу спасти саму себя? Вам не кажется это нелогичным? А спасти можно...

— Я глотнула, чувствуя, как горло сжимается, — когда сможешь научиться не умирать сама.

Тишина растянулась. Долгая. Тяжелая. За окном ветер гнул голые ветви платанов, царапая стекло, как когти.

Моравиа смотрел на меня странно. Не с жалостью. Не с превосходством. С тем самым опасным интересом, который просыпается в охотнике, когда добыча вдруг оборачивается и оскаливается в ответ.

— Ты не выдержишь обучение, — произнес он наконец.

Я уставилась на него. Возмущение плеснуло в глаза, горячее и ослепляющее.

— Уже выдержала.

Серые глаза чуть сузились.

— Что?

— Я уже выдержала, — повторила я тише, но с той же упрямой тяжестью. — Я жила здесь. Спала на жестких нарах. Мылась ледяной водой из колодца. Тренировалась до кровавых мозолей. И никто... никто не заметил. Если бы не месячные на построении!

Воздух между нами изменил плотность. Он больше не давил. Он натянулся, как тетива перед выстрелом.

Я вдруг поняла, что генерал Моравиа смотрит на меня странно. И в этом взгляде не было милосердия. Было только

признание. И холодное, безжалостное обещание: «Хорошо. Тогда я сам докажу тебе, что ты для этого не приспособлена!».

Глава 30. Дракон

Дверь лазарета затворилась за моей спиной с приглушённым, почти неестественным щелчком. Слишком тихо. Будто сама комната затаила дыхание, боясь разбудить то, что я оставил внутри. Я замер посреди коридора, чувствуя, как её слова оседают внутри. Там, где навсегда осталась тишина. Ни совести. Ни милосердия. Ни жалости. Всё это лишнее. Всё это нужно вырвать из себя, чтобы смотреть на смерть спокойно. Не дрожать под взглядом ее пустых глазниц. И только тогда смерть будет тебя уважать.

«Я хочу, чтобы моя рука больше не дрожала».

Призрак ее голоса звучал в моей голове. Я должен был чувствовать лишь раздражение.

Что это? Пафосные слова? Или в ней есть тот стальной стержень, который я воспитывал в новобранцах.

Проклятье. Я медленно выпустил воздух через нос и сжал серебряный набалдашник трости так, что металл врезался в ладонь. Драконья чешуя на рукояти холодила, но жар внутри груди не утихал. Всё внутри полыхало от ее слов. Но от слов ли?

И чувствовал. Жгучее, колющее раздражение от того, что тонкая, израненная девчонка осмелилась спорить со мной так, словно её голос имел вес.

Она просто пользуется тем, что она — женщина. И это

дает ей право спорить. Был бы на ее месте мужчина, я бы с ним не церемонился.

Память снова провернула все детали разговора. Как она смотрела в глаза, не отводя взгляда, даже когда страх заставлял её зрачки расширяться до предела. Оттого, что её «я уже выдержала» звенело в ушах, перекрывая стук собственной крови.

Выдержала она. Конечно! Так я и поверил!

Старое ранение под лопаткой ныло, отзываясь на ночную сырость тупой, привычной болью. Я зашагал. Трость глухо отбивала ритм по истёртому камню.

Эта Академия не была кузницей для красивых фантазий о чести и силе.

Это была точильная машина. Здесь делали из заготовок тех, кто способен идти вперед там, где другие в панике разбегаются.

Я видел, как кадеты, прошедшие отбор, блевали желчью. Как теряли сознание на полосе с летящими иллюзиями заклиний. Как ломали рёбра о деревянные барьеры. Как рыдали в подушку, прикрывая рты, чтобы не разбудить соседей по казарме. А утром вставали, бинтовали руки и снова шли в строй. И даже среди них выживали не все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.